

Опытъ исторіи Харьковскаго Университета

Д. И. Багалѣя.

(Продолженіе *).

остался для экзамена только одинъ; изъ пяти, которымъ бы должно было экзаменоваться по механикѣ, экзаменовался также одинъ. Да и теперь многіе профессора жалуются на небрежное хожденіе въ классъ ихъ слушателей, что, думаю, не безъизвѣстно правленію или совѣту¹⁾.

Правленіе вызвало слушателей проф. Архангельскаго и допросило ихъ о причинѣ небрежнаго отношенія къ его лекціямъ. Они дали слѣдующія объясненія. Ник. Баженовъ заявилъ, что приходилъ 3 раза, но лекціи не было; Ив. Жекулинъ—что приходилъ на лекціи, но ихъ не было; Н. Кирдановскій—то же самое; Ермолай Лобачевскій—что не былъ на лекціяхъ по болѣзни; Ник. Зиновьевъ—что онъ одинъ былъ въ классѣ съ профессоромъ Архангельскимъ, котораго иногда студенты не могли дождаться. Впрочемъ, всѣ они прибавили, что теперь преподаваніемъ его довольны. Правленіе, основываясь на этомъ, пришло къ заключенію, что виновными въ этомъ дѣлѣ нужно признать студентовъ. Попечитель приказалъ университету принять надлежащіе мѣры къ отвращенію подобнаго неустройства, а правленіе поручило экзекутору объявить слушателямъ проф. Архангельскаго, чтобы они неукоснительно посѣщали его курсы. Въ февралѣ слѣдующаго 1820 года проф. Архангельскій подалъ въ правленіе новое заявленіе, въ которомъ снова жаловался на нерадѣніе своихъ слушателей. „Студенты—Баженовъ, Жекулинъ и Лобачевскій,—писалъ онъ тамъ, въ теченіе прошедшаго января мѣсяца и по сіе время вовсе не являлись въ мой классъ; студенты же *Остроградскій*, *Лукашевичъ* и *Кирдановскій* хотя и показывались на моихъ лекціяхъ, но очень рѣдко, а по средамъ и субботамъ, кромѣ *С. Зиновьева* ни одинъ изъ нихъ не приходилъ, какъ и прежде. Это да послужить новымъ доказательствомъ нерадѣнія этихъ студентовъ, равно какъ справедливости моего объясненія, представленнаго правленію въ декабрѣ мѣсяцѣ, и совершенной несправедливости отвѣтовъ, поданныхъ моими слушателями въ правленіе вслѣдствіе этого объясненія. Если правленію нужны доказательства этому донесенію, да благоволятъ потребовать ихъ отъ меня, а не отъ моихъ слушателей; буде же правленіе повѣритъ мнѣ въ томъ безъ доказательствъ, то покорно прошу взыскать съ виновныхъ за опущеніе ихъ долга и, буде возможно, довести ихъ до того, чтобы они впредь не смѣли своевольно опускать лекціи и тѣмъ принуждать меня беспокоить правленіе моими донесеніями объ ихъ нерадѣніи“. Будучи призваны въ правленіе, студенты объяснили: Баженовъ, что онъ пропустилъ нѣкоторыя лекціи по бо-

*) См. книгу 1 1902 г.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1596/76.

лѣзни; Остроградскій и Лукашевичъ—что не считаютъ нужнымъ слушать лекціи проф. Архангельскаго, потому что слушали ихъ въ прошломъ году и хотя тогда не держали экзамена, но будутъ держать его въ этомъ году; Кирдановскій—что не бывалъ иногда на лекціяхъ профессора Архангельскаго по случаю угара въ аудиторіи. Дѣло, повидимому, не кончилось ничѣмъ,—по крайней мѣрѣ, изъ документа не видно, чтобы проф. Архангельскій давалъ свой отзывъ на эти объясненія. Изъ представленныхъ данныхъ видно, какъ трудно было внѣшними принудительными мѣрами заставить студентовъ посѣщать неукоснительно лекціи тѣхъ профессоровъ, которые не могли привлечь къ нимъ слушателей внутренними достоинствами своихъ чтеній. Оказывается, что лекціи Осиповскаго студенты посѣщали охотно, а отъ непосредственно слѣдовавшихъ за ними лекцій Архангельскаго бѣгали—и онъ долженъ былъ буквально сторожить ихъ при выходѣ изъ аудиторіи. Конечно, такая роль не соответствовала достоинству профессора и при томъ не достигала цѣли, ибо они подъ всякими формальными предлогами уклонялись отъ ихъ посѣщенія. Мы не сомнѣваемся, что многое въ объясненіяхъ проф. Архангельскаго справедливо. Нѣкоторые студенты не были достаточно усердны въ посѣщеніи лекцій и въ усвоеніи прочитаннаго. Но среди этихъ „неусердныхъ“ посѣтителей курсовъ Архангельскаго былъ студентъ Остроградскій, увлекавшійся математическими курсами Осиповскаго, имѣвшій призваніе къ математикѣ и сдѣлавшійся впослѣдствіи знаменитымъ русскимъ математикомъ. Спрашивается—можно ли его заподозрить въ „небреженіи“ къ одному изъ основныхъ предметовъ его факультета? Быть можетъ, дѣло объясняется тѣмъ, что Архангельскій читалъ свой курсъ, не отступая ни въ чемъ отъ имъ же изданнаго переводнаго руководства Франкера. Что же касается манкированія лекціями со стороны самого профессора, то на него сдѣлано было указаніе въ объясненіяхъ студентовъ; изъ отзывовъ же помощника попечителя графа Панина мы узнаемъ, что Архангельскій (правда уже въ тридцатыхъ годахъ) отличался лѣнностью. Быть можетъ, эта черта Архангельскаго была хорошо извѣстна и его товарищамъ, засѣдавшимъ въ правленіи, и потому это послѣднее отнеслось къ виновнымъ студентамъ въ сущности очень мягко и гуманно. Быть можетъ, здѣсь оказали вліяніе взаимныя отношенія ректора Осиповскаго и проф. Архангельскаго: первый, всегда отличаясь строгостью къ самому себѣ, не могъ по долгу службы и обязанности своей, скрыть отъ попечителя, что второй цѣлый мѣсяцъ не читалъ лекцій по неизвѣстнымъ причинамъ (такія вѣдомости о пропущенныхъ профессорами лекціяхъ, съ обозначеніемъ причины пропуска подавались попечителю черезъ

извѣстные промежутки времени); Архангельскій же могъ увидѣть въ этомъ личности и во всякомъ случаѣ долженъ былъ выгородить и обѣлить себя; выгораживая же себя, онъ затронулъ студентовъ. Нужно замѣтить, что нѣкоторые профессора университета тогда дѣйствительно неаккуратно читали лекціи; сюда, напримѣръ, нужно причислить—Колумну-Вигуру ¹⁾, Нельдехена, Пильгера. Такимъ же свойствомъ отличались и нѣкоторые преподаватели искусствъ, напримѣръ, учитель танцевъ Штейнъ, который долженъ былъ даже вслѣдствіе этого выйти въ отставку ²⁾. Ледюкъ—учитель фехтованія—мотивировалъ пропускъ лекцій тѣсною университетскихъ помѣщеній ³⁾.

Вотъ біографическія данныя о нѣкоторыхъ учителяхъ „пріятныхъ искусствъ, принадлежавшихъ къ преподавательскому персоналу университета.

Учитель рисованія Флоръ Филипповичъ *Рыпинъ*—изъ донскихъ казаковъ; обучался въ Петербургской академіи художествъ, затѣмъ получилъ мѣсто учителя рисованія въ бывшемъ Екатеринославскомъ главномъ народномъ училищѣ, переименованномъ въ 1805 г. въ гимназію, въ которой состоялъ преподавателемъ до 1814 года. Въ 1815 году опредѣленъ учителемъ рисованія въ Харьковскій университетъ.

Учитель музыки Иванъ Александровичъ *Лозинскій*, изъ дворянъ. Первоначально преподавалъ безъ жалованья музыку въ Звенигородскомъ уѣздномъ училищѣ (съ 1799 по 1801 годъ); въ 1812 году поступилъ учителемъ музыки въ Курскую гимназію (также безъ жалованья); въ 1815 году былъ назначенъ преподавателемъ музыки въ Харьковскій университетъ.

Учитель музыки Яковъ Даниловичъ *Зенькевичъ*. Служилъ въ католической духовной коллегіи канцеляристомъ; въ 1830 году назначенъ былъ учителемъ музыки въ Харьковскій университетъ.

Учитель танцевъ Григорій Григорьевичъ *Беккеръ*. Былъ первоначально танцоромъ въ Петербургскомъ Императорскомъ театрѣ. Въ 1812 году поступилъ въ ополченіе, въ коемъ занялъ должность урядника. За храбрость, оказанную въ сраженіяхъ, получилъ чинъ прапорщика и Георгія 5-й степени. Въ 1817 году ему поручено было временно преподаваніе танцевальнаго искусства, а въ 1820 г. онъ былъ утвержденъ въ своей должности совѣтомъ.

Учитель танцевъ Павелъ Владиславовичъ *Строцкий*. Служилъ въ военной службѣ, которую оставилъ въ чинѣ поручика. Былъ затѣмъ

¹⁾ См. объ этомъ особое дѣло (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1595/76).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1223/57.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1816 г. № 79.

учителемъ танцевъ въ Межирецкой и Немировской гимназіяхъ и Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; въ 1829 году назначенъ преподавателемъ этого предмета въ Харьковскій университетъ ¹⁾.

Сдѣлавъ характеристику тогдашняго преподаванія, мы сообщимъ теперь данныя объ одномъ проектѣ, касавшемся математическаго факультета—именно о раздѣленіи этого послѣдняго на 2 отдѣленія: математическое и естественное. Мы познакомили уже читателей съ проектами касательно этого попечителя гр. Головкина и его помощника гр. Панина (266, 283, 289—298); теперь же только прибавимъ, что ходатайство о раздѣленіи математическаго факультета на два отдѣленія было возбуждено еще при попечителѣ Е. В. Карнѣевѣ, какъ видно изъ слѣдующаго его представленія министерству. „Совѣтъ Харьковского университета въ представленіи своемъ ко мнѣ изъясняетъ, что физико-математическій факультетъ подалъ представленіе, въ которомъ прописываетъ, что по замѣчанію факультета студенты его на публичныхъ экзаменахъ въ нѣкоторыхъ наукахъ оказываютъ весьма слабые успѣхи. Причину этого факультетъ приписываетъ множеству и разнообразію наукъ, его составляющихъ, и замѣчаетъ, что если оставить нынѣ существующее число наукъ этого факультета, кои студенты должны выслушать въ теченіе трехъ лѣтъ, то они никакъ не могутъ во всѣхъ равно успѣвать, такъ что успѣвающие въ естественныхъ наукахъ, отстаютъ въ математическихъ и наоборотъ, а по сему и не могутъ образоваться изъ числа студентовъ свѣдущіе учителя по части естественныхъ наукъ для гимназій Харьковскаго учебнаго округа, тѣмъ болѣе, что нынѣ въ гимназіяхъ причислена къ нимъ и физика. Для отмѣны этого великаго неудобства совѣтъ предлагаетъ раздѣлить этотъ факультетъ на два отдѣленія, съ тѣмъ, чтобы по каждому отдѣленію особо можно было производить въ дѣйствительные студенты и выдавать полные аттестаты, а именно: по отдѣленію физико-математическихъ и по отдѣленію естественныхъ наукъ. Къ первому будутъ принадлежать — Богопознаніе, логика, первая часть математики, высшая геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленіе, механика, оптика, астрономія, физика общая и прикладная, химія, полевая фортификація и долговременная, артиллерія, гражданская архитектура, геодезія. Второе отдѣленіе составлять будутъ—Богопознаніе, логика, ботаника, зоологія, минералогія, общая физика и прикладная, химія, агрономія, технологія и торговля. Совѣтъ, согласуясь съ этимъ мнѣніемъ факультета и находя необходимо нужнымъ для большей пользы студентовъ, раздѣлить этотъ факультетъ на

¹⁾ Формулярные списки за 1825 и 1832 годы (Харьк. унив. архивъ).

вышеупомянутыя два отдѣленія, съ тѣмъ только, чтобы къ обоимъ отдѣленіямъ сверхъ логики принадлежала и нравственная философія, представляетъ мнѣ объ исходатайствованіи у высшаго начальства на это утвержденія, тѣмъ болѣе, что въ новомъ уставѣ Дерптскаго университета сдѣлано подобное раздѣленіе. Уваживъ такое представленіе совѣта Харьковского университета, честь имѣю предать его на благоусмотрѣніе вашего сіятельства“.

Ходатайство это было передано министерствомъ на заключеніе ученаго комитета главнаго управленія училищъ, который въ общемъ его одобрилъ, какъ это видно изъ слѣдующаго протокола. „Слушали мнѣніе графа Н. С. Лавала, въ коемъ пишетъ, что предположеніе попечителя Харьковского учебнаго округа о раздѣленіи физико-математическаго факультета тамошняго университета на 2 отдѣленія: 1) физико-математическихъ наукъ и 2) естественныхъ, заслуживаетъ одобренія. Ибо дѣйствительно невозможно, чтобы трехъ-годичное время, изъ коего еще надлежитъ исключить 9 мѣсяцевъ вакантныхъ, достаточно было на изученіе 12 разныхъ наукъ, изъ которыхъ для каждой отдѣльно потребны многіе годы. Парижскій университетъ призналъ помянутое раздѣленіе также необходимымъ, но онъ, соразмѣряя число предметовъ со временемъ, для нихъ назначеннымъ, старался каждое отдѣленіе составить изъ такихъ только наукъ, кои между собою однородны, такъ что въ математическое входятъ 3 курса слѣдующихъ предметовъ: а) дифференціального и интегральнаго исчисленія; б) механики (высшей); в) астрономіи. А отдѣленіе физическое состоитъ изъ 4 курсовъ: а) химіи, б) минералогіи и геологіи; в) ботаники и физики растительныхъ веществъ (*physique végétale*) и г) зоологіи и физиологіи. Сверхъ того, какъ въ то, такъ и въ другое отдѣленіе входитъ курсъ общей и опытной физики. Попечитель же Харьковского учебнаго округа напротивъ того включилъ въ оба эти отдѣленія такъ много предметовъ, что самъ себя противорѣчитъ, забывъ, какъ кажется, во 2-й части своего представленія то великое неудобство, на которое жалуется въ 1-й. Такъ, во-1-хъ, онъ помѣстилъ въ 1-е отдѣленіе логику, которая принадлежитъ къ философіи; во-2-хъ, Богопознаніе, изученіе коего не можетъ быть новымъ предметомъ для учениковъ такихъ лѣтъ, съ какими поступаютъ въ университетъ; въ-3-хъ, первую часть математики, которую бы должно выучить еще въ гимназій; въ-4-хъ, военныя науки необходимы только для готовящихся къ этого рода службѣ, и наконецъ, въ-5-хъ, гражданскую архитектуру и геодезію, кои вовсе не нужны для этого факультета. Итакъ, одобряя предлагаемую г. попечителемъ мѣру раздѣленія означеннаго факультета, не бесполезно было бы сдѣ-

латъ это по примѣру Парижскаго университета, какъ выше объяснено. Ученый комитетъ постановилъ: представить министру, что комитетъ, по уваженію выше объясненныхъ въ миѣніи члена его графа Лавалья причинъ, полагаетъ полезнымъ физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета раздѣлить на 2 отдѣленія—физико-математическое и отдѣленіе естественныхъ наукъ; но для истинной пользы слушающихъ въ числѣ наукъ каждаго изъ этихъ отдѣленій ограничиться только тѣми, кои предлагаетъ гр. Лаваль, придерживаясь притомъ и предложеннаго имъ распредѣленія ихъ⁴.

И просьбу Карнѣева, и миѣніе ученаго комитета министр отправилъ на заключеніе новому попечителю Перовскому (9 октября 1825 г.), который 15 іюня 1826 г. отвѣтилъ. „Такъ какъ нынѣ дѣла, до подобныхъ предметовъ касающіяся, подлежатъ сужденію и разбирательству Высочайше утвержденнаго комитета устройства учебныхъ заведеній, то я, по этому комитету, въ свое время не премину представить вамъ, милостивый государь, и вышеозначенное заключеніе мое“¹⁾. Такъ

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 22541/497.

этотъ вопросъ и не получилъ разрѣшенія ни въ 1826 году, ни позже при Головкинѣ и только уставъ 1835 года внесъ измѣненія въ программы факультетскаго преподаванія.

Занималъ въ это время всѣхъ также вопросъ о преподаваніи общихъ пропедевтическихъ курсовъ въ университетѣ. Въ 1818 г. совѣтъ замѣтилъ, что многіе студенты не занимались съ должнымъ усердіемъ науками, а въ особенности общими подготовительными курсами, объявляемыми согласно 109 § университетскаго устава. Всѣ способы, употреблявшіеся до тѣхъ поръ къ отвращенію этого зла, не приводили ни къ чему. Въ виду этого сдѣлано было постановленіе, чтобы съ 1818 года всѣ студенты обязательно экзаменовались изъ общихъ наукъ. Курсъ этихъ подготовительныхъ наукъ былъ двухлѣтній и притомъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Въ первомъ году читались—психологія и логика, алгебра, геометрія и тригонометрія, естественная исторія, всемірная древняя географія и исторія, географія и статистика Россіи, 1-я часть русской, латинской, нѣмецкой или французской словесности; кромѣ того, студенты, желавшіе поступить на словесный или медицинскій факультетъ, должны были прослушать еще 1-ю часть греческой словесности. Во второмъ году слушали—нравственную философію, физику, всемірную исторію, русскую исторію и вторую часть русской, латинской, французской или нѣмецкой словесности; кромѣ того, избиравшіе словесный или медицинскій факультетъ, обязаны были еще прослушать 2-ю часть греческой словесности, избиравшіе физико-мате-

матическій факультетъ—теорію анатомическихъ функцій. Факультетскія же науки должны были быть изучены только въ теченіе третьяго года. Министерство народнаго просвѣщенія однако рѣшительно отвергло этотъ проектъ—и было, конечно, совершенно право. Оно указало, что пригготовительныя науки слѣдуетъ изучать въ гимназіяхъ, и принимать въ студенты университета только такихъ лицъ, кои прошли ихъ съ надлежащимъ успѣхомъ въ гимназіяхъ. Въ университетѣ же, какъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, должны проходить только факультетскіе предметы. Совѣтъ университета представилъ по этому поводу объясненіе, въ которомъ прямо сослался на 109 § университетскаго устава, требовавшій такихъ пригготовительныхъ курсовъ. „Между науками, въ университетѣ преподаваемыми, говорилось въ уставѣ, находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, каковой бы родъ жизни и какую бы службу они ни избрали и для того тотъ только можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ, соотвѣтствующихъ будущему состоянію, кто прослушалъ науки пригготовительныя“. Исполненіе этого параграфа устава вызывалось притомъ, по мнѣнію совѣта, самою пользою дѣла, потому что 1) въ гимназіяхъ пригготовительныя науки или совсѣмъ не преподавались, или излагались въ сокращенномъ видѣ; 2) въ университетъ попадали лица, не бывшія въ гимназіи. Попечитель однако не далъ хода этому объясненію совѣта (кстати замѣтимъ, что оно было подписано Т. Ѳ. Осиновскимъ), такъ какъ министръ не требовалъ его отъ университета. Такимъ образомъ, ссылка на нарушеніе устава не могла быть, благодаря попечителю З. Я. Карнѣву, доведена до свѣдѣнія министерства, которое, очевидно, упустило изъ виду этотъ параграфъ.

Въ изучаемый нами періодъ времени института гражданскихъ чиновниковъ, службою обязанныхъ, какъ кажется, уже не существовало, а лица, желавшія получить чины 8 и 5 классовъ и не имѣвшія должнаго образовательнаго ценза, держали экзаменъ при университетѣ,—при особомъ комитетѣ, выдававшемъ имъ аттестаты. Экзаменовались на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 6 августа 1809 года, изъ слѣдующихъ предметовъ: богопознанія и христіанскаго ученія, русской грамматики и словесности, естественнаго, публичнаго и народнаго права, римскаго и гражданскаго права, съ приложеніемъ этого послѣдняго къ русскому законодательству, уголовнаго права, политической экономіи, русской исторіи, географіи и статистики, всеобщей исторіи и хронологіи, всеобщей географіи и статистики, ариѳметики, геометріи и

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 551/28.

физики; сверхъ того требовались: русское сочиненіе и переводъ съ французскаго языка. По разъясненіямъ министерства народнаго просвѣщенія къ испытанію въ комитетѣ можно было допускать только лицъ, состоявшихъ уже на службѣ, но притомъ не только гражданской, а и военной. Наконецъ, особымъ распоряженіемъ чиновникамъ, состоявшимъ на службѣ, разрѣшено было посѣщать университетъ въ качествѣ вольнослушателей и затѣмъ прямо держать экзаменъ на кандидатскую степень. По поводу этого распоряженія тогдашній ректоръ Дудровичъ вошелъ къ попечителю съ особымъ представленіемъ, въ которомъ доказывалъ, что отъ подобныхъ лицъ необходимо требовать доказательствъ ихъ школьной подготовки къ слушанію университетскихъ лекцій—иначе учащаяся молодежь не будетъ оканчивать гимназій, а, поступивъ на службу, запишется въ вольнослушатели и будетъ прямо держать кандидатскій экзаменъ безъ годичныхъ испытаній, коимъ подвергаются студенты университета. Такимъ образомъ, они будутъ находиться въ привилегированномъ положеніи сравнительно съ этими послѣдними. И дѣйствительно, основываясь на этомъ разрѣшеніи недавно передъ тѣмъ подалъ прошеніе о допущеніи его къ слушанію лекцій въ университетѣ канцеляристъ Слободскоукраинскаго губернскаго правленія Ив. Якименковъ, прошедшій только низшіе классы Полтавской гимназій и находившійся на службѣ 3 мѣсяца. Попечитель Перовскій однако не далъ хода этому заявленію ¹⁾.

Раньше существовавшаго при университетѣ *педагогическаго института* также въ это время уже не было и окладъ, предназначавшійся для директора его, одно время рѣшено было выдать проф. Мауреру за преподаваніе лекцій педагогій ²⁾.

Другой—экзаменаціонный комитетъ для испытанія лицъ, ищущихъ званія учителя гимназій, былъ учрежденъ въ 1827 году (до тѣхъ поръ экзамены производилъ училищный комитетъ). Въ составъ его первоначально вошли профессора—Борзенковъ, Павловскій, Филомаѳетскій и адъюнктъ Черняевъ. Онъ дѣйствовалъ на основаніи правилъ, имъ самимъ составленныхъ и одобренныхъ попечителемъ ¹⁾.

Представимъ теперь фактическія данныя объ ученыхъ промоціяхъ въ Харьковскомъ университетѣ съ 1815 по 1819-й годъ, чтобы составить себѣ понятіе о требованіяхъ ученой коллегіи и отчасти о личности самихъ аспирантовъ.

Авксентій Гевличъ—студентъ Харьковского университета въ 1811 году получилъ степень кандидата, въ 1813 г.—магистра, а въ 1815 году

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 895/49.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1339/76.

доктора словесныхъ наукъ. Испытаніе его на это послѣднее званіе производимо было такъ. 3-го января 1815 года, онъ былъ подвергнутъ предварительному испытанію проф. Осиповскимъ, Дегуровымъ и Шадомъ—и факультетъ на основаніи его допустилъ къ докторскому экзамену. 20-го февраля Гевличъ держалъ устный экзамень, взявши по жребію четыре вопроса изъ числа тѣхъ, кои были приготовлены по всѣмъ предметамъ; а именно—1) О состояніи Русской церкви со времени введенія христіанства до учрежденія Святѣйшаго Синода—отвѣчалъ довольно хорошо; 2) Исторія Россійской поэзіи, 3) Идеаль изящныхъ наукъ и свободныхъ искусствъ; 4) О причинахъ, способствовавшихъ распространенію рабства въ Европѣ и его уничтоженію; на эти три вопроса отвѣчалъ хорошо. Потомъ слѣдовали устные отвѣты изъ другихъ предметовъ по вопросамъ, предлагаемымъ экзаменаторами: проф. Шадъ спросилъ изъ латинской словесности о разныхъ родахъ поэзіи и предложилъ объяснить 12-ю оду Горация изъ 2-й книги. Отвѣтъ былъ признанъ удовлетворительнымъ. Экзамень продолжался 3-го марта. Вопросы были предложены проф. Срезневскимъ изъ русской словесности (отвѣчалъ удовлетворительно); изъ русской исторіи, географіи и статистики (отвѣчалъ хорошо), изъ всеобщей исторіи (отвѣчалъ удовлетворительно), изъ французскаго языка и словесности (хорошо). По окончаніи устнаго испытанія Гевличъ вытянулъ по жребію четыре билета изъ числа заранѣе приготовленныхъ и относящихся ко всѣмъ предметамъ факультета—и на квартирѣ секретаря подъ его наблюденіемъ далъ на нихъ письменные отвѣты. Вопросы были таковы: 1) О вліяніи вѣры на нравы римлянъ въ разныя времена (на латинскомъ языкѣ); 2) Показать главнѣйшее раздѣленіе стихотворныхъ сочиненій (на русскомъ языкѣ); 3) Указать на важнѣйшихъ писателей по русской исторіи и присовокупить свое сужденіе о достоинствѣ каждаго изъ нихъ (на русскомъ языкѣ); 4) О причинахъ происхожденія политической системы Европейскихъ государствъ (на латинскомъ языкѣ). Въ засѣданіи 31-го марта, по большинству голосовъ, отвѣты его были признаны удовлетворительными и ему были предложены слѣдующія темы для лекцій: 1) О состояніи Россійской торговли со времени основанія государства до нашихъ дней (на русскомъ языкѣ); 2) Определить качества изящнаго (*pulchri*) и описать всѣ роды его, въ томъ числѣ и идеаль (на русскомъ языкѣ); 3) Объяснить, что гораздо труднѣе писать исторію новыхъ временъ, нежели древнихъ (на латинскомъ языкѣ). Въ засѣданіи 21 мая факультетъ призналъ лекціи весьма удовлетворительными и постановилъ допустить его къ публичной защитѣ докторской диссертациі. Въ засѣданіи 15 іюня факультетъ одобрилъ представленную Гевличемъ

докторскую диссертацию, постановилъ просить Совѣтъ о назначеніи оппонентовъ и передалъ диссертацию для напечатанія въ Правленіе. 26 іюня факультетъ назначилъ день диспута. 30 іюня Гевличъ читалъ свою диссертацию, а возраженія ему дѣлали проф. Дегуровъ, Срезневскій, Успенскій, Рейтъ, Борзенковъ, Громовъ и пр. Факультетъ призналъ диспутъ удовлетворительнымъ и предложилъ Совѣту утвердить его въ степени доктора ¹⁾.

Учитель Екатеринославской гимназіи Карлъ Фридрихъ Гернъ ходатайствовалъ въ 1815 году о допущеніи его къ экзамену на степень доктора по словесному факультету. Факультетъ, въ виду того что онъ окончилъ Лейпцигскій университетъ и потомъ занимался науками, удовлетворилъ его просьбу. Сначала ему было произведено предварительное испытаніе (Шадомъ изъ философіи и Осиповскимъ изъ математики). Затѣмъ онъ вытянулъ четыре вопроса для устнаго испытанія: 1) Существовала ли у древнихъ эстетика; 2) Каково было происхожденіе римскаго сената, сколько было сенаторовъ и какъ они избирались; 3) Что извѣстно о нравахъ египтянъ, ихъ богослуженіи, наукахъ, искусствахъ, образованіи; 4) Что должно думать о царствованіи и дѣлахъ Ивана Васильевича Грознаго—отвѣчалъ на 1-й, 3-й и 4-й вопросы хорошо,—на 2-й—превосходно. Изъ остальныхъ предметовъ (уже безъ билетовъ) онъ отвѣчалъ по нѣмецки хорошо, по всеобщей и русской исторіи—хорошо, по русскому языку и словесности превосходно, по французскому языку и словесности довольно хорошо. Четыре письменныхъ отвѣта, написанныхъ имъ въ библіотекѣ подъ наблюденіемъ Борзенкова, на четырехъ языкахъ, факультетъ также одобрилъ. Для трехъ пробныхъ лекцій ему назначены были слѣдующія темы: 1) О римскихъ играхъ въ циркахъ и театрахъ; 2) О свойствахъ и цѣли Ликурговыхъ законовъ; 3) Имѣетъ-ли преимущества поэзія передъ прочими искусствами? Лекціи были одобрены и за мысли, и за слогъ. Послѣ защиты одобренной факультетомъ диссертации (О раздѣленіи поэзіи) и тезисовъ, Гернъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Василій Масловичъ получилъ кандидатскую степень по словесному факультету въ 1813 году, а въ 1815 году былъ допущенъ къ экзамену на степень доктора. На предварительномъ испытаніи его спрашивали—Шадъ изъ философіи (отвѣчалъ хорошо), Осиповскій изъ математики (отвѣчалъ довольно хорошо), Срезневскій изъ русской словесности (очень хорошо). Вопросы, выбранные имъ по жребію, были таковы—изъ эстетики и русской словесности: 1) Что должно разумѣть

¹⁾ Харьк. Унив. архивъ. Дѣло пол. № 1256/71.

подъ именемъ граціи (отвѣчалъ по-русски очень хорошо); 2) Что такое вкусъ вообще (отвѣчалъ по-русски очень хорошо); изъ латинской словесности: 3) Что должно замѣтить о сатирической поэзіи и римской эпиграммѣ (отвѣчалъ по-латыни хорошо); 4) Что должно замѣтить о дидактической поэзіи римлянъ (отвѣчалъ хорошо). По латинскому языку онъ объяснялъ 2-ю оду Горация къ Августу (удовлетворительно), по французскому языку и словесности отвѣчалъ удовлетворительно, по нѣмецкому языку и словесности—хорошо, по всеобщей и русской исторіи, географіи и статистикѣ—хорошо. Изъ четырехъ письменныхъ отвѣтовъ три онъ написалъ на русскомъ языкѣ и одинъ на латинскомъ. Пробныя лекціи онъ читалъ на слѣдующія предложенныя ему темы: 1) О важнѣйшихъ баснописцахъ на русскомъ языкѣ; 2) Главнѣйшія причины упадка словесности на латинскомъ языкѣ; 3) Сравнить причины паденія Римской имперіи съ причинами паденія Константинопольской имперіи на русскомъ языкѣ. Признавъ эти лекціи удовлетворительными, факультетъ разрѣшилъ Масловичу защищать свою диссертацию на русскомъ языкѣ. Оппонентами у него были Успенскій, Срезневскій, Совиньи и др. Въ силу всего изложеннаго, а также принявъ во вниманіе изданныя Масловичемъ сочиненія, факультетъ призналъ его достойнымъ степени доктора изящныхъ наукъ.

Домогался докторской степени, какъ мы говорили уже объ этомъ въ 1-мъ томѣ своего труда, и директоръ Екатеринославской гимназіи Мизко. Дѣло объ этомъ началось въ 1813 году. Онъ хотѣлъ получить эту степень такъ, какъ получили ее профессоръ Харьковскаго университета Успенскій, Срезневскій и Паки де Совиньи, т. е. безъ экзамена, а только по сочиненію. Представилъ онъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ „О превосходствѣ древнихъ языковъ, въ особенности латинскаго“. Факультетъ потребовалъ, чтобы Мизко предварительно выдержалъ устное испытаніе; но совѣтъ университета поручилъ факультету дать отзывъ о разсужденіи Мизка—и факультетъ, большинствомъ голосовъ, основываясь на отзывѣ декана Роммеля и принявъ во вниманіе 3 печатныя рѣчи Мизка и его плодотворную дѣятельность на пользу училищъ, постановилъ удостоить его докторской степени. Сильныя и основательныя возраженія выставили—Шадъ, Успенскій и Совиньи, ссылавшіеся на прямое нарушеніе въ данномъ случаѣ устава. Совѣтъ постановилъ выдать Мизку дипломъ на степень доктора изящныхъ наукъ за его заслуги на полѣ просвѣщенія—и факультетъ уже въ 1815 году, основываясь на этомъ опредѣленіи, постановилъ выдать ему дипломъ за его заслуги въ дѣлѣ распространенія образованія и за рукописныя и печатныя сочиненія, свидѣтельствующія о познаніяхъ его въ наукахъ.

Успенскій однако остался и тогда при особомъ мнѣніи, которое состояло въ слѣдующемъ. Ищущіе ученыхъ степеней непременно должны удовлетворить 93, 97, 98 и 99 §§ устава — и никто не имѣетъ права производить въ ученые степени безъ устнаго экзамена, а тѣмъ болѣе отсутствующаго. Давая возможность своимъ производствомъ Мизку достигнуть высшей ступени чиновпроизводства, университетъ долженъ будетъ это допустить и для другихъ училищныхъ чиновниковъ. За услуги, оказанныя училищамъ, можно вознаградить Мизку иначе, а не дипломомъ на ученое званіе. Чѣмъ окончилось это дѣло, неизвѣстно ¹⁾.

Въ 1816 году выдержалъ экзаменъ на степень магистра изящныхъ наукъ студентъ Алексѣй Левшинъ, пробывшій въ университетѣ три года и не получившій еще повидимому и степени кандидата. Допущенъ же онъ былъ къ экзамену потому, что прекрасно учился и написалъ сочиненіе, отданное въ печать „Письма изъ Малороссіи“. Онъ выдержалъ предварительное испытаніе, причемъ экзаменаторами его были проф. Успенскій, испытывавшій его изъ факультетскихъ и вспомогательныхъ предметовъ, проф. Шадъ — изъ прикладной логики и проф. Архангельскій — изъ алгебры. Выдержалъ онъ это испытаніе превосходно. Устно онъ отвѣчалъ на слѣдующіе вопросы: 1) по латинской словесности — Какіе успѣхи сдѣлали римляне въ лирической поэзіи? (отвѣчалъ весьма хорошо), а также весьма хорошо объяснилъ оду Горация; 2) изъ эстетики — О предѣлахъ этой науки (весьма хорошо); 3) изъ всеобщей исторіи — О причинахъ величія и упадка Кароагена (хорошо). Послѣ того ему предлагались еще вопросы — изъ латинской словесности (отвѣчалъ весьма хорошо), изъ русской исторіи, географіи и статистики (хорошо), изъ русской риторики и французскаго языка (весьма хорошо). Письменные отвѣты онъ написалъ (подъ наблюденіемъ Борзенкова) на слѣдующую тему: 1) *Quid praestiterunt Romani in philosophia*; Для пробной лекціи ему была задана слѣдующая тема: *In quo Graeci Romanis et Romani Graecis respectu scientiarum et artium praestiterunt*? Затѣмъ Левшинъ защитилъ диссертацию и былъ признанъ магистромъ изящныхъ наукъ ²⁾.

На физико-математическомъ факультетѣ кромѣ Громова и Комлишинскаго степень доктора (химіи) получилъ еще магистръ Шуманъ. Въ 1815 году онъ подвергся въ факультетѣ предварительному испытанію — экзаменовали его деканъ Нельдехенъ и проф. Шадъ. Устные отвѣты Шуманъ давалъ — по химіи (*De acido sulphurico ejusque diver-*

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло сов. 1817 г., № 41.

²⁾ Харьк. ун-в. архивъ 1818 г., № 1.

sitate и De ferro ejusque diversitate) — очень хорошо, и по технологii. Затѣмъ Шуману предлагались вопросы изъ естественной исторii, минералогii, физики и математики — и онъ отвѣчалъ на нихъ хорошо. Для письменнаго отвѣта ему достались слѣдующіе вопросы: 1) по химii — *Expositio theoriae affinitatis veteris et novae*; 2) Изложеніе общихъ свойствъ металловъ; 3) изъ технической химii — *Salis culinaris partes constitutivae, modus diversus illud obtinendi, producta quae chemiae ore ex residuis sulinuriis possunt obtineri*. Письменные отвѣты были признаны удовлетворительными и Шуману были предложены слѣдующія темы для его лекцій: 1) *De mallisatione kaliorum, corporum calinorum terrarumque*; 2) Объ измѣненіяхъ, каковыя претерпѣваютъ послѣ смерти различные тѣла прозябаемаго и животнаго царства; 3) *Von den Seifen*. Кромѣ того, факультетъ поручилъ Шуману произвести химическое разложеніе базальта и представить данныя, какъ о его составныхъ частяхъ, такъ и о процессахъ, для полученія ихъ употребленныхъ. Диссертацию Шумана „*De acidi muriatici natura*“ рѣшено было напечатать ¹⁾.

Магистерскую степень получилъ еще и *Колядинъ* ²⁾.

Наконецъ, были еще двѣ докторскія промоціи на этико-политическомъ факультетѣ, которыя не были утверждены министерствомъ и послужили однимъ изъ поводовъ для высылки изъ Харькова проф. Шада и измѣненія самихъ правилъ объ испытаніяхъ на ученныя степени. Я имѣю въ виду промоціи кандидата Гриневича и магистра Ковалевскаго. Оба они выдержали устные и письменныя испытанія и даже защитили диссертации; но проф. Дегуровъ подалъ въ совѣтъ заявленіе, въ которомъ доказывалъ, что диссертация Гриневича списана съ лекцій профессора Шада, читанныхъ студентамъ, а диссертация Ковалевскаго (*De libertate mentis humanae*) — списана съ печатнаго сочиненія Шада на ту же тему. Дѣло дошло до министерства. Совѣтъ назначилъ специальную комиссію (въ составѣ 4-хъ профессоровъ), которая установила фактъ буквального заимствованія многихъ параграфовъ, отмѣченныхъ Дегуровымъ, изъ сочиненій Шада. Шадъ и Ковалевскій дали съ своей стороны объясненія, которыя по отношенію къ диссертации Ковалевскаго заслуживаютъ полнаго вниманія. Оказывается, что Шадъ, принявъ диссертацию Ковалевскаго, вошелъ въ факультетъ съ предложеніемъ переработать и дополнить ее, такъ какъ тема, затронутая докторантомъ, заслуживала этого по ея важности — и *факультетъ согласился на это*.

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло сов. 1817 г., № 58.

²⁾ Ibidem, 1818 г., № 21.

Напечатаны были оба сочиненія—краткое Ковалевскаго и обширное—Шада, причемъ, съ разрѣшенія факультета, Ковалевскій защищалъ сочиненіе Шада. Конечно, съ современной намъ точки зрѣнія такого рода приѣмъ представляется страннымъ и необычнымъ; но онъ находилъ себѣ, по словамъ Шада, оправданіе въ практикѣ западно-европейскихъ университетовъ, не связывавшей непремѣнно тезисовъ съ содержаніемъ диссертациі. А если это такъ, то Ковалевскій дѣйствительно могъ принять на себя защиту тезисовъ, сходныхъ въ основѣ съ его собственными, но только болѣе подробно развитыхъ въ книгѣ Шада. Конечно, въ такомъ случаѣ Ковалевскій долженъ былъ опираться *in verba magistri*, т. е. своего учителя Шада, но и этотъ послѣдній не скрываетъ того, что его ученики въ качествѣ первоисточниковъ для своихъ работъ пользовались главнымъ образомъ его лекціями и сочиненіями. „Студенты философіи, писалъ онъ министру, не имѣютъ другихъ источниковъ и пособій, кромѣ моихъ манускриптовъ и моихъ книгъ. Нельзя отъ нихъ требовать, чтобы они составляли собственные системы; довольно, если они искуснымъ образомъ успѣютъ пользоваться моими манускриптами и книгами и публично защищать съ похвалою основанія моей философіи. Въ нѣмецкихъ университетахъ диссертациі пишутся большею частью самими профессорами, а отъ студентовъ требуется только, чтобы они умѣли ихъ на публичныхъ диспутахъ надлежащимъ образомъ защищать. Что же касается до диссертациі Гриневича, то хотя онъ и многое заимствовалъ изъ моихъ манускриптовъ, продиктованныхъ мною въ теченіе шести лѣтъ студентамъ, однако много также присовокупилъ и изъ собственныхъ своихъ идей и познаній, особенно что касается до разрѣшенія главнаго предложенія; слѣдовательно, доносъ проф. Дегурова и противъ Гриневича неоснователенъ, ложенъ и вовсе несправедливъ. Гриневичъ одинъ изъ ученѣйшихъ студентовъ, какого мы когда-либо въ университетѣ имѣли, и онъ можетъ съ честью выдержать экзаменъ на докторское званіе во всякомъ университетѣ“¹⁾.

Дѣлая общее заключеніе объ этомъ эпизодѣ въ статьѣ о высылкѣ Шада, я говорю: „что касается обвиненій Шада по дѣлу о докторскихъ диссертацияхъ Ковалевскаго и Гриневича, то здѣсь константированъ только фактъ плагіата, но не доказано самаго важнаго—чтобы Шадъ руководился тутъ корыстными побужденіями, по крайней мѣрѣ самъ онъ даетъ этому факту, имъ не отвергаемому, иное объясненіе. Можетъ быть, что Шадъ не былъ совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ—взятки въ

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ моей книгѣ „Удаленіе проф. Шада“ X. 1899, стр. 3—18.

то время, какъ это указано мною въ другомъ мѣстѣ, составляли къ сожалѣнію довольно распространенное явленіе въ Харьковскомъ университетѣ и къ нему относились довольно снисходительно; но Шадъ не былъ изобличенъ во взяточничествѣ ни въ данномъ дѣлѣ, ни въ другихъ случаяхъ и тахіиш, на что давали право факты, это оставить его „подъ подозрѣніемъ въ этомъ обвиненіи“. ¹⁾

Но Министерство, конечно, могло прямо заподозрить здѣсь корыстные побужденія и во всякомъ случаѣ попустительство со стороны профессора по отношенію къ молодымъ людямъ, желавшимъ пріобрѣсти докторскій дипломъ исключительно для того, что бы облегчить себѣ служебную карьеру. Извѣстно, что докторскій дипломъ давалъ права на чинъ 8-го класса; извѣстно также, что значительная часть лицъ, получившихъ въ это время ученныя степени въ Харьковскомъ университетѣ, и не думала объ ученой дѣятельности, а мечтала только о службѣ. Наконецъ, въ Дерптскомъ университетѣ произошелъ изъ ряда вонъ выходящій случай злоупотребленія при полученіи степени доктора правовѣдѣнія со стороны Вальтера и Вебера. Они подверглись испытанію на степень доктора, не имѣя степени магистра; самый экзаменъ производился съ отступленіемъ отъ формъ, указанныхъ въ уставѣ. Вальтеръ былъ раньше театральнымъ портнымъ въ Ревелѣ, пріобрѣлъ потомъ въ Петербургѣ себѣ большое состояніе, получилъ отъ нѣмецкаго Ерлангенскаго университета докторскую степень, а, истративъ до 30000 руб., получилъ въ 1816 г. степень доктора правовѣдѣнія отъ юридическаго факультета Дерптскаго университета, затѣмъ по диплому добился чина коллежскаго ассесора и былъ даже назначенъ членомъ коммисіи по составленію законовъ. Императоръ Александръ I-й велѣлъ произвести строгое слѣдствіе надъ юридическимъ факультетомъ, которое окончилось удаленіемъ изъ университета ректора (профессора юридическаго факультета) и декана, безъ права поступленія на государственную службу, отнятіемъ диплома у Вальтера и Вебера и требованіемъ новаго испытанія отовсѣхъ получившихъ прежде дипломы. ²⁾ Въ Министерствѣ связали Харьковскія событія съ Дерптскими, какъ это видно изъ сообщенія тогдашняго попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго совѣту Харьковскаго университета. Въ немъ онъ между прочимъ писалъ: „по извѣстному дѣлу магистра Ковалевскаго получено Министромъ изъ Харькова донесеніе, содержаніе коего побудило его отнести ко мнѣ съ предложеніемъ о пріостановкѣ выдачи Ковалевскому диплома; вслѣдъ

¹⁾ Ibidem, стр. 147.

²⁾ Харьк. Унив. архивъ. Дѣло Поп. № 413/20.

за симъ Дерптскій университетъ несосмотрительнымъ производствомъ двухъ студентовъ въ докторскую степень подвергъ себя неудовольствію начальства и публики, такъ что теперь обращено общее вниманіе на предполагаемыя въ нашихъ университетахъ *злоупотребленія* по части производствъ въ ученыя степени. Это послѣднее обстоятельство налагаетъ на меня обязанность приступить для скорѣйшаго окончанія производящагося о Ковалевскомъ дѣлѣ къ такимъ мѣрамъ, которыя, соотвѣтствуя законамъ и чести университета, не лишали бы и просителя средствъ къ достиженію желаемой имъ цѣли¹⁾. Гр. Потоцкій приостанавливалъ выдачу Ковалевскому диплома въ виду сомнительности его диссертации, но представлялъ ему право подвергнуться черезъ извѣстный срокъ новому испытанію. ¹⁾ Въ доносахъ проф. Дегурова на Шада указывается не только на плагіатъ въ диссертацияхъ Гриневича и Ковалевскаго, но и на неблагонадежный образъ мыслей перваго изъ нихъ, проявившійся въ его тезисахъ ²⁾, это, конечно, должно было безповоротно рѣшить судьбу обѣихъ диссертаций. Съ другой стороны административная высылка Шада, поставленная въ связь съ дѣломъ о промоціяхъ Ковалевскаго и Гриневича, должна была подѣйствовать удручающимъ образомъ на харьковскихъ профессоровъ и вызвать среди нихъ реакцію противъ легкости производствъ въ ученыя степени, тѣмъ болѣе, что и въ Харьковѣ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ промоціи Мизга, дѣлались при этомъ значительныя отступленія отъ существующихъ правилъ. Впрочемъ, и самыя правила, регулировавшія эти производства и помѣщенные въ уставѣ, не отличались опредѣленностью и, какъ мы знаемъ уже, не разъ вызывали и въ практикѣ Харьковскаго университета значительныя затрудненія и недоумѣнія. Между прочимъ, въ нихъ не было указанія на необходимость постепенности въ полученіи степеней и потому нѣкоторые лица держали прямо докторскій экзаменъ, минуя магистерскій; не было опредѣлено сроковъ для испытанія на высшія ученыя степени лицами, окончившими университетъ; не было даже сказано, что для допущенія къ магистерскому или докторскому экзамену необходимо предварительно получить степень кандидата ³⁾. При такихъ условіяхъ оставлять дѣло въ прежнемъ положеніи было невозможно.

Вопросъ о производствѣ въ ученыя степени магистра и доктора сдѣлался послѣ изложенныхъ нами инцидентовъ предметомъ особеннаго

¹⁾ Харьк. унив. архив. Дѣло сов. 1816 г. № 12.

²⁾ Удаленіе Шада, стр. 22.

³⁾ См. Сборн. постан. I, стр. 283—285.

вниманія министерства народнаго просвѣщенія. Степени эти, какъ мы знаемъ, давали важныя права на чины и, слѣдовательно, ихъ могли добиваться не изъ научныхъ, а практическихъ, служебныхъ соображеній и это то приводило къ злоупотребленіямъ. Министерство народнаго просвѣщенія поэтому обратило серьезное вниманіе на это дѣло. Въ 1816 г. запрещено было производить прямо въ доктора лицъ, не имѣвшихъ магистерской степени ¹⁾. Въ томъ же году департаментъ потребовалъ отъ Харьковскаго университета подробныхъ свѣдѣній о порядкѣ производства въ ученые степени—студентовъ, кандидатовъ, магистровъ и докторовъ съ указаніемъ, кѣмъ выдаются свидѣтельства на эти званія, утверждаетъ-ли въ нихъ совѣтъ ²⁾ и т. п. Тогда-же попечитель округа потребовалъ отъ университета для представленія министерству его соображеній о томъ, какъ слѣдуетъ обставить это производство, ибо Государь Императоръ повелѣлъ изготovitъ по этому поводу докладъ и внести его на обсужденіе комитета министровъ ³⁾. Комитетъ министровъ въ 1816 году поручилъ главному правленію училищъ выработать особое положеніе о производствѣ въ ученые степени. Таковое было выработано и Высочайше утверждено 20 января 1819 года. Вотъ его главныя основанія.

Всѣ науки, по которымъ нужно было держать испытанія для полученія ученыхъ степеней, были распредѣлены на 4 факультета—богословскій, философскій, юридическій и медицинскій; факультеты эти однако не упразднили университетскихъ факультетовъ. Богословскій факультетъ не касался православныхъ духовныхъ академій, а имѣлъ въ виду католическія богословскія отдѣленія при Виленскомъ университетѣ и Полоцкой академіи и евангелическое при Дерптскомъ университетѣ. Философскій факультетъ, по разнородности входившихъ въ него предметовъ, раздѣлялся на физико-математическое и этико-филологическое отдѣленія. Теоретическая и практическая философія входила въ составъ обоихъ отдѣленій. Затѣмъ къ физико-математическому отдѣленію относились слѣдующіе предметы—чистая и прикладная математика, физика и химія, естественная исторія; къ этико-филологическому—историческія науки, древняя классическая словесность (греческая или римская по выбору аспиранта), восточная словесность (т. е. одинъ изъ восточныхъ языковъ, если аспирантъ имъ занимался), одинъ изъ новыхъ языковъ и русская словесность. Въ составъ юридическаго

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1816 г. № 72.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1816 г. № 26.

³⁾ Ibidem, 1816 г., №№ 18 и 73.

факультета входили право естественное, частное, публичное и народное, дипломатика, римское право, русское публичное право, гражданское и уголовное право съ частными правами присоединенныхъ областей, судопроизводство, политическая экономія, политическая исторія и статистика главнѣйшихъ государствъ, особенно русскаго. По этимъ факультетскимъ предметамъ однако нельзя было требовать одинаковыхъ познаній; самъ испытуемый могъ указать на главный предметъ своихъ занятій. Всѣхъ ученыхъ степеней было 4: 1) дѣйствительнаго студента; 2) кандидата, 3) магистра и 4) доктора. Степени эти можно было получать только въ порядкѣ ихъ старшинства, т. е. нельзя было напри- мѣръ сдѣлаться докторомъ, не имѣя степеней магистра, кандидата и дѣйствительнаго студента. Для полученія званія дѣйствительнаго студента нужно было пройти полный курсъ наукъ по одному изъ университетскихъ факультетовъ и выдержать соотвѣтственное испытаніе; лучшіе изъ окончившихъ курсъ наукъ или выдержавшіе впоследствии экзаменъ и обнаружившіе способности къ одному изъ предметовъ, а также представившіе письменное сочиненіе получали званіе кандидата; для полученія званія магистра нужно было доказать полныя свѣдѣнія въ системѣ наукъ въ ея цѣломъ и частяхъ и связи; отъ доктора требовались основательныя и глубокія свѣдѣнія въ наукахъ въ существенныхъ ихъ основаніяхъ, въ ихъ развитіи и направленіи, такъ чтобы онъ могъ не только слѣдовать той или иной системѣ, но и судить о ней и дѣятельностью собственнаго ума дѣлать въ ней открытія и исправлять слабыя ея стороны, совершенствовать связь и порядокъ, очищать и укрѣплять основанія. Правила испытаній на степень магистра и доктора остались прежнія. Требовалась также публичная защита диссертациі—отъ магистра на латинскомъ, другомъ какомъ либо иностранномъ или русскомъ языкѣ, а отъ доктора на латинскомъ. Иностранцевъ, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своею ученостію, можно было по особымъ ходатайствамъ съ разрѣшенія министра допускать къ испытанію прямо на одну изъ высшихъ ученыхъ степеней, минуя низшія. На общихъ-же основаніяхъ можно было допускать къ испытаніямъ всѣхъ желающихъ, гдѣ-бы они ни воспитывались. Между полученіемъ ученыхъ степеней полагались извѣстные сроки: между первою и второю степенью годичный, между второю и третьею—двухъ-годичный, между третьею и четвертою—трехъ-годичный. Не выдержавшіе испытанія могли повторять его еще два раза, но только для полученія кандидатской или магистерской степени черезъ годъ послѣ него, а для полученія докторской—черезъ два. Лица податнаго состоянія не могли допускаться къ испытаніямъ на ученые степени. Лица, удостоенныя

одной из четырех ученых степеней, не должны были держать особого экзамена на чин коллежского ассесора и статского советника. Действительный студент получал право на чин 14-го класса, кандидат 12, магистр 9 и доктор 8, но только в том случае, если воспитывался в казенном учебном заведении. Звание почетного доктора не допускалось. Из лиц, не воспитывавшихся в казенных учебных заведениях, только доктора освобождались от экзамена на чин ассесора и статского советника. Докторская степень не касалась медицинского факультета ¹⁾. Новые правила вызвали однако на практике недоразумения, которые пришлось разрешать главному правлению училищ. Харьковский университет спрашивал: 1) может ли философия быть главным предметом испытания на философском факультете и из каких наук нужно в таком случае производить экзамен—относящихся к одному или обоим отделениям? 2) нужно ли требовать при испытании на степень действительного студента и кандидата знания приготовительных или факультетских предметов? 3) при выдаче аттестатов на степень действительного студента и кандидата, какие факультеты имелись в виду—созданные новыми правилами или университетские?

Ученый комитет высказал такие мнения. По первому вопросу, что экзаменующийся должен предварительно объявить, по какому из двух отделений он желает подвергнуться испытанию и в таком случае может выбрать главным предметом любую науку; по второму вопросу, что речь идет не о приготовительных науках, кои должны преподаваться в гимназиях, а о факультетских; по третьему вопросу—что в деле преподавания должно остаться без изменения деление на факультеты согласно университетским уставам, а новое деление на факультеты будет применяться только при получении ученых степеней. Главное правление училищ согласилось с ответами на 2-й и 3-й вопросы, а относительно 1-го сделало прибавку, что и философия может быть главным предметом испытания ²⁾. В 1827 г. совет университета, по предложению министерства народного просвещения, подверг пересмотру правила о даровании докторской степени и выработал следующий проект.

По юридическому факультету основными предметами для получения степени доктора признаны следующие: 1) римское право, 2) рус-

¹⁾ Сборник постановл. по мин. нар. просв. I, стр. 1134—1145. Харьк. унив. архив. Дело сов. 1819 г. № 12.

²⁾ Харьк. унив. архив. Дело попеч. № 812/44.

ское право, 3) естественное, частное, публичное и народное право. Вспомогательныя науки, а) политическая экономія б) дипломатія, в) политическая исторія и статистика. По этико-филологическому факультету основными предметами для полученія степени доктора философіи, были признаны: 1) древняя классическая словесность (греческая или римская, по выбору экзаменующагося) и русская словесность; при немъ вспомогательныя науки: а) исторія и одинъ изъ новыхъ языковъ. 2) Историческія науки; при нихъ вспомогательные предметы—древніе и одинъ изъ новыхъ языковъ. 3) Восточная словесность; при ней вспомогательные предметы—древніе языки, исторія и одинъ изъ новыхъ языковъ. Философія должна быть существеннымъ предметомъ испытанія по всѣмъ этимъ группамъ. По физико-математическому факультету основными предметами для докторской степени были признаны: 1) чистая и прикладная математика; при ней вспомогательными предметами—физика, химія, естественная исторія; 2) физика и химія; при нихъ вспомогательными предметами—начала математики и естественная исторія; 3) естественная исторія; при ней вспомогательные предметы—химія, физика, начала математики. Отъ желавшаго получить докторскую степень нужно было требовать основательныхъ и глубокихъ свѣдѣній по главному предмету. Порядокъ испытаній предполагали оставить прежній. Но диспутъ, какъ ничего не доказывавшій, проэктировали отменить; а вмѣсто него требовать прочтенія одной пробной лекціи на латинскомъ языкѣ на заданную факультетомъ тему. Экзаменаторами могли быть все представители кафедръ, хотя бы они сами и не имѣли докторской степени—преподаватели университета, имѣвшіе степень магистра, для полученія докторской степени, должны были представить только диссертацию на латинскомъ языкѣ, а отъ устнаго испытанія освобождались ¹⁾).

Настоящій проектъ былъ вызванъ, очевидно, затрудненіями, къ которымъ приводили на практикѣ правила, изданные въ 1819 году. А что затрудненія эти существовали, видно и изъ самаго признанія министерства и изъ того, что съ 1819 по 1827 годъ Харьковскимъ университетомъ не было даровано ни одной докторской степени ²⁾. Въ магистры же былъ произведенъ между прочимъ Гриневичъ въ 1819 году повидимому уже послѣ изданія новыхъ правилъ. Гриневичъ держалъ экзаменъ на магистра римской словесности. Изъ философіи проф. Дудровичъ спрашивалъ его—о метафизикѣ, о понятіи и раз-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1256/71.

²⁾ Ibidem.

дѣленіи ея, о мнѣніяхъ, какое имѣли о стихіяхъ послѣдователи Вольфа, о томъ, какъ думали Платонъ и другіе философы о матеріи; изъ нравственной философіи ему предложенъ былъ вопросъ о началахъ нравственности. Отвѣчалъ онъ очень хорошо. Изъ всеобщей исторіи, географіи и статистики на разные вопросы, предложенные адъюнктомъ Филомафитскимъ, отвѣчалъ очень хорошо. По французскому языку отвѣчалъ превосходно. По русской словесности адъюнктъ Борзенковъ предложилъ ему вопросы: а) кто первый сочинилъ русскую грамматику? и б) какіе ему извѣстны баснописцы и каковъ ихъ отличительный характеръ? Отвѣчалъ очень хорошо. По русской исторіи географіи и статистикѣ проф. Успенскій предложилъ ему вопросы о путешествіи апостола Андрея первозванного, о началѣ Россійской монархіи, ея раздѣленіи, поработѣннѣи татарами и освобожденіи. Отвѣчалъ посредственно, Паки де Совиньи спрашивалъ его о формѣ римскаго управленія, о началѣ римскаго сената, о консулахъ, о различіи между консулами и проконсулами, о преторахъ и дуумвирахъ и о раздѣленіи римскаго народа. Отвѣчалъ превосходно. Изъ латинскаго языка о свойствѣ лирической поэзіи. Отвѣчалъ превосходно; также объяснялъ 2-ю оду 1-й книги Горация. Адъюнктомъ Кронебергомъ были ему предложены слѣдующіе вопросы—понятіе о филологіи и ея частяхъ и объ исторіи филологическаго ученія; отвѣчалъ посредственно. Письменные отвѣты Гриневича Успенскій, Кронебергъ и Филомафитскій считали также посредственными; Джунковскій, Борзенковъ и Куницкій—хорошими, а Паки де Совиньи—очень хорошими. Допустить къ дальнѣйшему экзамену согласились всѣ, а Успенскій сдѣлалъ оговорку, что Гриневичъ долженъ пополнить недостатки экзамена хорошей диссертацией. Для диссертации была дана тема „De optimo methodo docendi discendique philologiam“.

Диссертацию Успенскій, Филомафитскій признали посредственною, Джунковскій заявилъ, что хотя диссертацию онъ также считаетъ посредственною, но въ виду выдержаннаго имъ экзамена и его ученыхъ трудовъ считаетъ справедливымъ дать ему магистерскую степень. Паки де Совиньи далъ о диссертациі Гриневича такой отзывъ: „я съ величайшимъ вниманіемъ прочиталъ латинскую диссертацию Гриневича и она тѣмъ болѣе показалась мнѣ достойною всякаго одобренія, что Гриневичъ изложилъ въ ней все, чего долженъ былъ коснуться и, занимаясь подѣ моимъ руководствомъ, какъ въ испытаніяхъ, такъ и въ сочиненіяхъ своихъ, относящихся къ главному его предмету—латинской филологіи—всегда выдавался своимъ усердіемъ; и потому я, будучи чуждъ всякаго пристрастія, считаю его достойнымъ допущенія къ за-

щитъ его диссертациі. Кронебергъ также высказалъ мнѣніе, что диссертациа относительно мыслей и слога можетъ быть одобрена и Гриневичъ заслуживаетъ степени магистра. Къ этому мнѣнію присоединился и Куницкій. Затѣмъ факультетъ постановилъ передать это дѣло на рѣшеніе совѣта. Ректоръ поставилъ вопросъ: можно ли допустить Гриневича къ защитѣ его диссертациі. Проф. Дудровичъ, Пауловичъ, Джунковскій, Рейтъ, Книгинъ и Делявинъ высказались въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ за это стояло и большинство членовъ факультета. Но ректоръ (одинъ) былъ противоположнаго мнѣнія, исходя изъ того положенія, что письменные отвѣты, признанные посредственными, важнѣе устныхъ и диссертациі, ибо на первые дается скорый отвѣтъ безъ подготовки, диссертациа же пишется дома. Совѣтъ однако не согласился съ этими доводами, такъ какъ Гриневичъ нѣсколько лѣтъ занимался науками этико-филологическаго отдѣленія и доказалъ успѣхи въ нихъ и другими трудами. Рѣшено было допустить Гриневича къ диспуту и назначить официальными оппонентами Совиньи и Куницкаго; неофициальными оппонентами выступили Дудровичъ и Громовъ. Факультетъ послѣ диспута по большинству голосовъ призналъ его достойнымъ магистерской степени, и по ходатайству совѣта министерство утвердило его въ ней¹⁾. Впослѣдствіи магистерскій экзамень держали—Байковъ (въ 1821 г.) Николай Корсунъ (въ 1824 г.) Навель Андріевскій (тогда же), Шкляревичъ (тогда же), Степановъ²⁾, Майстеренко³⁾, докторскій—Громовъ, Комлишинскій, Грибовскій, Яхимовичъ (на степень доктора медицины) и нѣк. другіе. Кто изъ профессоровъ Харьковскаго университета имѣлъ ученую степень, объ этомъ мы уже говорили раньше. О диссертацияхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ скажемъ ниже.

Теперь же сообщимъ краткія свѣдѣнія объ ученыхъ командировкахъ. Этого вопроса мнѣ уже приходилось касаться раньше, когда рѣчь шла о подготовкѣ молодыхъ ученыхъ къ профессурѣ—въ настоящее время представимъ объ этомъ дополнительныя свѣдѣнія, имѣя въ виду и ученыхъ путешествія профессоровъ.

Окончившій медицинскій факультетъ Харьковскаго университета А. Венедиктовъ былъ командированъ для усовершенствованія въ медицинѣ вообще и анатоміи въ частности въ Петербургскую медико-

¹⁾ Арх. мин. нар. проsv. № 22099/493.

²⁾ Устный экзамень Т. Ѳ. Степановъ выдержалъ блистательно; диссертациа его была посвящена вопросу „О политическомъ равновѣсіи Европейскихъ государствъ“.

³⁾ Онъ представилъ диссертацию „Объ основаніи наслѣдованія по завѣщанію вообще и въ особенности по російскимъ узаконеніямъ“.

хирургическую академію. При отправленіи туда онъ получилъ слѣдующую инструкцію. „По пріѣздѣ въ Петербургъ явиться вамъ въ медико-хирургическую академію и нанять близъ нея квартиру. Заниматься всѣми частями анатоміи, въ особенности замѣтить, какъ наилучше выбѣливать кости и разбирать черепъ, готовить связки, мышцы, нервы и кровеносные сосуды, дѣлать инъекціи артерій, венъ и лимфатическихъ сосудовъ, узнать лучшіе составы массъ для наливаіи кровеносныхъ сосудовъ, стараться замѣтить, какъ дѣлать препараты каждаго органа въ особенности, какъ напримѣръ, органа слуха, зрѣнія, дыханія, *testiculorum et cet.* и способъ ихъ сохраненія. Такъ какъ тамъ находятся препараты лучшихъ анатомовъ, какъ-то: Либеркина и друг., то обязаны вы каждый изъ нихъ порознь внимательно разсматривать и замѣтить для подражанія. Обращать вниманіе на болѣзненно измѣненные части или органическія поврежденія, зависящія отъ измѣненнаго ростопроизводства, приготовляя ихъ анатомически, какъ-то: опухоли разнаго рода, спирры, отвердѣнія, засоренія. Такъ какъ тамъ скотолѣчебная наука преподается во всей своей полнотѣ, въ томъ числѣ и анатомія домашнихъ животныхъ, то рекомендуется вамъ посѣщать эти анатомическія лекціи. Въ лѣтнее время посѣщать естественно-историческій кабинетъ академіи наукъ или кунсткамеру, дабы обогатить познаніе различными классами животныхъ, ибо для физиологіи познаніе всѣхъ натуральныхъ тѣлъ необходимо. Посѣщать лекціи другихъ профессоровъ и въ особенности клиническіе институты. Каждую треть года доносить совѣту о своихъ занятіяхъ и если будутъ нужны какія либо пособія, то обращаться за этимъ въ факультетъ“ ¹⁾ (1819 г.).

Инструкція эта была выполнена Венедиктовымъ весьма добросовѣстно и изъ него вышелъ очень дѣльный преподаватель анатоміи. Не совсѣмъ удачной оказалась командировка въ Московскій университетъ кандидата Харьковскаго университета Николая Спасскаго для подготовки по русскому праву. Годичная командировка Спасскаго была предложена въ 1823 году проф. Пауловичемъ въ виду его способностей и усердія. При отправленіи ему была дана инструкція, возложившая на него слѣдующія обязанности. „Обратить особенное вниманіе на предметъ, преподаваніе коего въ Харьковскомъ университетѣ предназначается ему, т. е. на русское правовѣдѣніе. Кромѣ теоретическаго познанія русскіихъ узаконеній по всѣмъ частямъ, онъ обязанъ употребить всѣ средства къ познанію и практическаго производства разнаго рода дѣлъ. Онъ не долженъ ограничиваться упражненіемъ въ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г., № 42.

одномъ вышеозначенномъ предметѣ; но чтобы пріобрѣсти знанія, отличающія просвѣщеннаго законовѣда отъ обыкновеннаго, по навыку пріобрѣтѣннаго свѣдѣнія въ этомъ предметѣ, онъ обязанъ вникнуть въ полный курсъ наукъ юридико-политическихъ. Онъ обязанъ пріобрѣсти основательныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ сочиненіяхъ, относящихся къ русскому законовѣдѣнію, писанныхъ какъ на нашемъ отечественномъ языкѣ, такъ и на иностранныхъ, и имѣть ясное понятіе объ ихъ достоинствахъ. Онъ обязанъ отдавать мѣсту, удостоившему его этого назначенія подробный отчетъ. Наконецъ, факультету желательно, чтобы кандидатъ Спасскій подвергся на законномъ основаніи испытанію для полученія степени магистра въ Московскомъ университетѣ. По прошенію Спасскаго, время пребыванія его въ Московскомъ университетѣ было продолжено на одинъ годъ. Когда Спасскій вернулся въ Харьковъ, то совѣтъ не призналъ удовлетворительной его командировку, во 1-хъ, потому что за все время пребыванія своего въ Москвѣ онъ прислалъ оттуда только одинъ и при томъ общій отчетъ, по которому нельзя было составить понятіе объ его занятіяхъ, во 2-хъ, потому что не только не выдержалъ полного магистерскаго экзамена, но даже не представилъ и диссертации, которая-бы послужила доказательствомъ его познаній, въ 3-хъ, въ письмѣ проф. Сандунова говорилось, что для преподаванія судопроизводства онъ еще молодъ. Въ виду этого постановлено было обратиться за разъясненіями о занятіяхъ Спасскаго къ его руководителю проф. Сандунову. Отъ Московскаго университета въ отвѣтъ на это была получена справка, что Спасскій приступилъ къ магистерскому экзамену, но на словесномъ испытаніи признанъ былъ слабымъ. Тогда совѣтъ Харьковскаго университета постановилъ предписать Спасскому подвергнуться этому испытанію въ Харьковѣ. Любопытно обширное объясненіе, доставленное самимъ Спасскимъ. Вначалѣ онъ онъ указываетъ на то, что совѣтъ поручилъ ему, по смерти адъюнкта Михайловскаго, чтеніе лекцій по русскому правовѣдѣнію, которыя онъ и преподавалъ въ теченіе цѣлаго академическаго года. Что онъ удовлетворялъ требованіямъ инструкціи, доказываютъ отзывы о его занятіяхъ въ Москвѣ проф. Сандунова (послѣдній дѣйствительно хорошо отзывался о его занятіяхъ и поведеніи). Затѣмъ онъ переходитъ къ подробному изложенію своихъ занятій въ Москвѣ. Они не могли ограничиваться однимъ посѣщеніемъ лекцій—въ этомъ, по его словамъ, онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ. „Я заботился, пишетъ онъ, болѣе о томъ, чтобы заслужить личное къ себѣ вниманіе тѣхъ профессоровъ, которыхъ наставленія открывали мнѣ тайну истины или разрѣшали сомнѣнія, на которыхъ останавливалась моя неопытность, не

говоря уже о проф. Сандуновѣ, свѣдѣнія коего во всякомъ случаѣ были для меня свѣтильникомъ, я съ равною признательностью могу сослаться на профессоровъ—Шлецера, Цвѣтаева и Каченовскаго, расположенію которыхъ ко мнѣ обязанъ я также весьма многимъ въ успѣшномъ теченіи моихъ занятій. Дѣйствуя такимъ образомъ, я не упускалъ изъ виду ничего, что могло способствовать распространенію свѣдѣній моихъ, какъ-то: ежедневнаго посѣщенія лекцій, на которые употреблялъ отъ 4 до 6 час. въ сутки, классное чтеніе извѣстныхъ авторовъ и преимущественно по части правовѣдѣнія и наконецъ постоянное и сколько возможно систематическое изученіе отечественнаго законовѣдѣнія, состоявшее а) въ хронологическомъ разсмотрѣніи первоначальныхъ и послѣдующихъ источниковъ его и всѣхъ измѣненій, произведенныхъ временемъ, случайными обстоятельствами и политическими переворотами, и въ соображеніи взаимнаго вліянія этихъ измѣненій на политическое, гражданское и нравственное бытіе государства, б) въ критическомъ разсмотрѣніи литературы права, в) отдѣльнымъ разсмотрѣніи всѣхъ частей его по теоріи права въ примѣненіи къ узаконеніямъ, имѣющимъ теперь силу и дѣйствіе и въ соединеніи ихъ въ цѣломъ для приведенія въ возможный методическій порядокъ, д) въ безпрерывномъ упражненіи въ практической части права во всей его обширности. Все это составляло обыкновенный предметъ моихъ занятій, сообразно чему располагалъ я и временемъ, мнѣ опредѣленнымъ. Не естественно было-бы, если-бы я сказалъ, что въ теченіе одного года, мнѣ опредѣленнаго, вышеизложенныя занятія могли быть приведены къ концу и потому въ донесеніи моемъ совѣту отъ 15 іюня 1825 г., представивъ подробный отчетъ за 1-й годъ пребыванія моего въ Москвѣ, я просилъ продолжить мнѣ время по крайней мѣрѣ на 2 года. Почтеннѣйшему начальству угодно было уважить причины, указанныя въ этомъ отчетѣ, и дать мнѣ для занятій еще одинъ годъ“. Далѣе Спасскій говоритъ о томъ, что совѣтъ одобрилъ его первый отчетъ, а второго онъ не представилъ потому, что отзывъ объ его занятіяхъ сообщилъ совѣту университета его руководитель-наставникъ проф. Сандуновъ. Отзывъ этотъ былъ для него Спасскаго вполне благопріятный. Справка-же, полученная отъ совѣта Московскаго университета о ходѣ его занятій, не отличается полнотою: тамъ нѣтъ данныхъ о посѣщеніи имъ профессорскихъ лекцій въ первый годъ пребыванія его въ Москвѣ. Спасскій подробно останавливается на вопросѣ о посѣщеніи имъ разныхъ курсовъ, но при этомъ прибавляетъ, что къ систематическому слушанію лекцій, предназначавшихся для студентовъ, онъ и не стремился. О магистерскомъ экзаменѣ онъ говоритъ, что онъ приступилъ

къ нему, но не выдержалъ его по недостатку времени для достаточной подготовки; слѣдовательно, и здѣсь не было ни его вины, ни отступленія отъ данной ему инструкціи, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе магистерской степени совѣтъ не поставилъ для него обязательнымъ требованіемъ. Въ заключеніи Спасскій останавливается на томъ, что, по возвращеніи его изъ Москвы, этико-политическій факультетъ Харьковскаго университета постановилъ допустить его къ чтенію лекцій въ качествѣ адъюнкта по русскому уголовному праву и практическому судопроизводству уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Это постановленіе факультета, состоящаго изъ профессоровъ, бывшихъ его наставниками на студенческой скамьѣ, является лучшимъ доказательствомъ пригодности его къ той должности, о которой онъ ходатайствуетъ, т. е. адъюнкта російскаго правовѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что совѣтъ еще до поѣздки въ Москву, когда познанія его были гораздо болѣе ограничены, довѣрилъ ему преподаваніе этого-же предмета ¹⁾. Совѣтъ, очевидно, принялъ, во вниманіе объяснительную записку Спасскаго и ходатайствовалъ передъ министромъ о допущеніи его къ преподаванію русскаго права. Министръ снесся по этому поводу съ попечителемъ, который, основываясь на благопріятномъ отзывѣ спеціалиста—проф. Даниловича, высказался въ благопріятномъ для Спасскаго смыслѣ.

Долженъ былъ получить заграничную командировку и кандидатъ Якимовъ, но попечитель Перовскій не призналъ ее нужной и считалъ возможнымъ отправить его только въ Петербургъ и Москву. Вотъ его отвѣтъ на ходатайство совѣта. „На представленіе совѣта нужнымъ считаю отвѣтствовать, что отправленіе молодыхъ людей съ отличными дарованіями въ чужіе края, для усовершенствованія по нѣкоторымъ наукамъ, особенно требующимъ опытовъ и самыхъ близкихъ наблюденій, какіе у насъ, за недостаткомъ всѣхъ надлежащихъ пособій, не всегда имѣть возможно, я нахожу весьма полезнымъ и даже необходимымъ для университета; но по части словесности не предполагаю въ томъ особенной надобности. Охота и любовь къ внимательному и разсудительному чтенію лучшихъ иностранныхъ писателей и современныхъ періодическихъ изданій достаточны для того, чтобы пріобрѣсти понятіе о состояніи и ходѣ заграничной словесности; а таковое же чтеніе извѣстѣйшихъ писателей отечественныхъ, при безпрерывномъ упражненіи въ искусствѣ сочиненія, съ повѣркою при томъ своего слога, силы и значенія словъ и выраженій въ извѣстныхъ случаяхъ со способомъ выраженій въ подобныхъ же случаяхъ этими же писателями употреб-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 946/51.

ляемымъ, безъ сомнѣнія доставить занимающемуся такимъ образомъ то, что нужно имѣть для хорошаго наставника и писателя, особенно если онъ заблаговременно столько уже приготовленъ, сколько, по свидѣтельству университетскаго совѣта, кандидатъ Якимовъ, и имѣть при томъ отличныя природныя дарованія. Но какъ при всемъ томъ личное знакомство и изустныя бесѣды съ таковыми писателями могутъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи для молодаго человѣка наставительны, то посему отправленіе кандидата Якимова въ Москву и Петербургъ можно дозволить. Что же касается до отправленія его за границу, то рѣшеніе этого вопроса я предоставляю себѣ на будущее время и вслѣдствіе того, возвращая при этомъ подписку, данную Якимовымъ совѣту, какъ содержащую условія, не во всемъ удобоисполнимыя, предлагаю университету объявить ему объ этомъ и сообразно съ вышенрописаннымъ сдѣлавъ надлежащее распоряженіе мнѣ донести“¹⁾.

Преемникъ Церовскаго Филатьевъ былъ принципиальнымъ противникомъ отправленія молодыхъ русскихъ ученыхъ за границу. Въ это время при Дерптскомъ университетѣ существовалъ педагогическій институтъ для приготовленія молодыхъ людей, воспитанниковъ русскихъ университетовъ, къ профессорскому званію. Съ этою цѣлью, по Высочайшему повелѣнію, въ 1827 году велѣно было выбрать изъ природныхъ русскихъ 20 питомцевъ разныхъ университетовъ для отправленія ихъ на 3 года въ Дерптъ и на 2 года за границу. Узнавъ отъ проѣзжавшаго черезъ Харьковъ Одесскаго попечителя Покровскаго, что находящихся въ Дерптѣ для приготовленія къ профессорскому званію бывшихъ Харьковскихъ студентовъ хотѣли отправлять для усовершенствованія за границу, но что для этого встрѣчались нѣкоторые затрудненія, Филатьевъ написалъ министру о нихъ въ 1831 году слѣдующее письмо.

„1) При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ вообще въ Европѣ я признаю не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ отправлять этихъ студентовъ въ чужіе края какъ для нихъ самихъ, такъ и для университета, гдѣ они вполнѣ должны быть профессорами. Чѣмъ нынѣ заняты мысли всѣхъ и каждого? Что служить нынѣ повсюду исключительно предметомъ разговора? Политическія происшествія цѣлой Европы и можетъ быть преимущественно настоящія горестныя событія въ Россіи. Мнѣніе иностранцевъ о насъ, русскихъ, весьма извѣстно. Какое вліяніе окажетъ это обстоятельство на умы этихъ молодыхъ студентовъ еще не зрѣлые и неопытные? Повѣрьте, ваша свѣтлость, что такія впечатлѣнія, въ молодости полученныя, болѣе или менѣе остаются на всю жизнь.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Предложеніе попечителя 1826 г., № 61.

Одно любопытство, сродное всѣмъ и особенно молодымъ людямъ, которые, слушая лекціи профессоровъ, вѣроятно, не заботились узнать внутренняго устройства своего отечества, одно это любопытство, повторяю, завлечетъ ихъ слушать политическіе толки, читать всѣ политическіе газеты и журналы и безъ сомнѣнія отвлечетъ вниманіе ихъ отъ предметовъ ученія и уклонитъ ихъ отъ той цѣли, для которой они отправлены за границу.

2) Студенты эти были въ Дерптѣ два года учениками, теперь отправляются въ иностранные институты для приготовленія къ тому, чтобы сдѣлаться преподавателями, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поступивши въ слушатели этихъ (заграничныхъ) университетовъ, опять останутся учениками (студентъ по русски ученикъ, учащійся). Чему они учились въ Харьковѣ и въ Дерптѣ, то самое не бесполезно было бы усугубить имъ собственнымъ разсужденіемъ и опытностію, ознакомясь со способомъ передавать познанія свои другимъ и этимъ болѣе и болѣе развернуть понятія свои о предметѣ. Для чего необходимо возвратить этихъ студентовъ на одинъ годъ въ университетъ (Харьковскій), гдѣ имъ поручено будетъ преподаваніе главнаго предмета, а о другихъ предметахъ ученія ихъ потребуется письменное изложеніе, обращеніе съ профессорами ознакомитъ ихъ съ кругомъ ученыхъ людей, а въ домѣ попечителя привыкнуть они къ обществу и къ правиламъ свѣтскаго обращенія, приличнымъ образованному человѣку; безъ этого же останутся чуждыми обществу, а для ученаго хотя и кажется это маловажнымъ, но весьма необходимо окажется впоследствии.

3) Поступивъ въ число преподавателей, студенты эти будутъ пользоваться прилично этому званію свободою въ поступкахъ и образѣ жизни. Тогда обнаружатся ихъ истинныя чувства, характеръ и нравственность; ибо хотя за ними и будетъ внимательный надзоръ, дабы они не совратились съ пути истины, но надзоръ этотъ будетъ болѣе отеческій, нежели начальническій; на нихъ будутъ дѣйствовать убѣжденіемъ, а не властію, будетъ обращено вниманіе на то, съ кѣмъ, т.-е. какого свойства людьми, они будутъ болѣе сближаться; и это нужно видѣть и знать заблаговременно, за границу же поздно. Кому ввѣрите ихъ, ваша свѣтлость, тамъ, если они сами не будутъ готовы умѣть узнавать и понимать людей и дорожить хорошимъ мнѣніемъ о себѣ и преимущественно дорожить нравственностію ума (?) и сердца?

4) Имъ необходимо нужно знать составъ нашихъ университетовъ, также знать и понимать нашихъ студентовъ, надобно, что бы и въ иностранныхъ университетахъ узнали они какъ составъ, такъ и устройство ихъ, дабы и въ этомъ случаѣ быть полезными университету, ко-

торый заблаговременно укажетъ имъ, на что именно обращать имъ тамъ вниманіе, какъ въ наукахъ такъ и въ преподаваніи и устройствѣ, и кромѣ того укажетъ имъ это собственное наблюденіе и опытъ, когда они сами будутъ здѣсь преподавателями. Имъ нужно приобрѣсти навыкъ сравнивать и примѣнять разные методы преподаванія, вникнуть въ ходъ каждой науки, въ связь ихъ вообще и соотношеніе между собою. Все это можно приобрѣсти, будучи не ученикомъ, а преподавателемъ—тогда отправленіе въ чужіе края безъ сомнѣнія принесетъ ожидаемую пользу.

Заключу, ваша свѣтлость, тѣмъ, что я страшусь, весьма страшусь при мысли, что преждевременнымъ ихъ отправленіемъ за границу мы не приобрѣтемъ, но потеряемъ людей. Любовь и уваженіе къ отечеству и законамъ его есть необходимое условіе въ наставникѣ юношества. Понятія ихъ еще не созрѣли, если выучили предметъ, но не обдумали его, учась не имѣли времени усилить познанія свои чтеніемъ авторовъ, и не слышали разныхъ сужденій объ одномъ и томъ же предметѣ, не научились отличать истину отъ лжи. Слушая одного профессора, не могли соображать и судить по сравненію, ибо ученіе ихъ по необходимости было одностороннее, познавательныя силы ихъ ума не могли развернуться и собственный умъ ихъ не имѣетъ еще прочнаго основанія. Они убѣждены въ истинахъ, но не собственнымъ убѣжденіемъ, которое однимъ сравненіемъ и примѣненіемъ образуется, а опытностью вкореняется и укрѣпляется“.

Едва ли есть надобность останавливаться на разборѣ основной мысли записки Филатьева (или, точнѣе говоря, правителя канцеляріи его А. В. Складовскаго, которому она принадлежала)—вредѣ заграничныхъ командировокъ для подготовки къ профессурѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Въ основѣ ея лежатъ политическія соображенія, ничего общаго съ наукой не имѣющія. Опасаясь вліянія на харьковскихъ молодыхъ ученыхъ западныхъ идей, Филатьевъ предпочитаетъ для огражденія ихъ отъ этого яда, не допустить ихъ непосредственно приобщиться къ чистому источнику европейской науки. Но тѣсная, непосредственная связь крайнихъ политическихъ идей и чистой науки, конечно, не можетъ быть доказана—это явленія разнаго порядка и источники ихъ происхожденія неодинаковы. Опытъ русскихъ университетовъ и Харьковскаго въ частности также не оправдывалъ такихъ опасеній: Черняевъ и Затеplinскій занимались во время своей заграничной командировки исключительно своею специальностью, а не политикой. Если въ обществѣ, огромная масса котораго не ѣздила за границу, всюду говорили о западныхъ событіяхъ и такихъ русскихъ эпизодахъ, какъ польская революція, то изъ этого нужно было бы вывести заключеніе, что загра-

ничные командировки русских молодых ученых здѣсь ни при чемъ: Европейскія политическія идеи проникали, конечно, въ Россію, но ихъ вынесли изъ Европы не горсть командированныхъ туда съ ученою цѣлью русскихъ ученыхъ, а масса офицеровъ русской арміи, явившихся съ Императоромъ Александромъ I-мъ для уничтоженія господства Наполеона Бонапарта. Отгородить Россію отъ Европы китайскою стѣною въ XIX в. было невозможно, если этой задачи не могло рѣшить даже старое Московское государство XVI—XVII вв.

Министръ народнаго просвѣщенія (князь Ливень) далъ на это письмо слѣдующій отвѣтъ. „Мнѣніе вашего превосходительства о студентахъ профессорскаго института я нахожу весьма основательнымъ. Но министерство народнаго просвѣщенія все это имѣло уже въ виду прежде полученія вашего представленія и сочло обязанностью доложить объ этомъ Государю Императору, на что получило Высочайшее повелѣніе—указанныхъ студентовъ, не посылая въ чужіе края, оставить въ Дерптѣ. Но считаю долгомъ благодарить ваше превосходительство за сообщеніе мнѣ вашего мнѣнія по этому предмету“¹⁾.

Новый министръ народнаго просвѣщенія А. С. Уваровъ вошелъ съ представленіемъ къ Государю о наборѣ новыхъ питомцевъ для Дерптскаго педагогическаго института на прежнихъ условіяхъ. Въ виду этого попечитель предписалъ совѣту Харьковскаго университета немедленно избрать достойныхъ молодыхъ людей на слѣдующихъ основаніяхъ: избраніе произвести факультетомъ; инспекція должна дать отзывы объ ихъ нравственности; отобрать отзывы о нихъ отъ профессоровъ; взять согласіе отъ самихъ избранныхъ; подвергнуть ихъ строгому испытанію въ присутствіи совѣта; совѣтъ и въ особенности ректоръ должны обратить вниманіе на природныя дарованія избираемыхъ, ибо одно твердое знаніе предмета безъ соображенія разсудка не указываетъ еще на то, что изъ этого лица можетъ выйти хорошій профессоръ. Основываясь на этомъ распоряженіи, юридическій факультетъ призналъ пригодными для послыки въ Дерптъ слѣдующихъ лицъ: изъ окончившихъ курсъ кандидатовъ Измаила Срезневскаго, Михаила Клобуцкаго, Ивана Сливицкаго, дѣйствительныхъ студентовъ—Николая Войтенкова, Александра Покорскаго-Журавку и студента 3-го курса Адриана Оплачку; но все они кромѣ кандидата Срезневскаго не изъявили на то своего согласія: Срезневскаго-же не оказалось въ Харьковѣ. Физико-математическій факультетъ призналъ прежде всего достойнымъ такого выбора кандидата Никиту Дьяченка, который занимался съ похвальнымъ усер-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1595/93.

діємъ и желательною пользою преподаваніємъ въ университетѣ оптики и перваго курса чистой математики; потомъ окончившихъ курсъ ученія дѣйствительныхъ студентовъ Василя Стоянова, Андрея Снѣгирева и Меѳодія Шароградскаго; но Дьяченко письменно заявилъ, что страдаетъ золотухою, грудною болѣзнію и геморроемъ и потому не можетъ согласиться на поступленіе въ профессорскій институтъ; Снѣгиревъ и Шароградскій, несмотря на всѣ убѣжденія и внушенія декана Сухомлинова, не пожелалъ поступить въ институтъ, выставляя причиною свои недостаточныя познанія въ иностранныхъ языкахъ, а Снѣгиревъ сверхъ того и свои домашнія обстоятельства, заставляющія его поскорѣе поступить на службу; студента Стоянова въ Харьковѣ не оказалось. Медицинскій факультетъ донесъ, что находитъ способными для указанной цѣли студентовъ 4-го курса Іосифа Варвинскаго, Ивана Мелешку, Наума Синицкаго, 3-го курса Ефима Филипченка и Петра Любовскаго, кои всѣ изъявили свое согласіе; кромѣ того были признаны достойными, но не пожелали поступить студенты 4-го курса Дмитрій Гавриловъ, Ѳеодоръ Тимченко, 3-го курса Прокофій Богдановъ, Евгенийъ Бурковъ, Дмитрій Голубкинъ. Словесный факультетъ призналъ достойными для поступленія въ профессорскій институтъ окончившихъ курсъ Константина Жигачева, Михаила Ильенка, Василя Унтилова, кандидата Николая Славутинскаго, оканчивающихъ — Владиміра Гринева, Василя Авдіева, Степана Ростовцева и Якова Скадовскаго; изъ нихъ Славутинскій былъ оставляемъ при университетѣ въ помощь проф. Дорну для преподаванія восточныхъ языковъ; Жигачевъ первоначально изъявилъ было согласіе, но потомъ по семейнымъ обстоятельствамъ отказался; Ильенко, Тимошевскій и Скадовскій также отказались, отъ Унтилова не было свѣдѣній, ибо онъ жилъ въ Херсонѣ. Такимъ образомъ, могли быть отправлены Авдіевъ, Гринева и Ростовцевъ. Послѣ этого избраннымъ кандидатамъ произведены были испытанія, результаты которыхъ оказался слѣдующій. Хотя никто изъ экзаменованныхъ не удовлетворилъ въ полной мѣрѣ требованіямъ министерства, но по дарованіямъ, познаніямъ, прилежанію и нравственнымъ качествамъ признаны достойными отправленія въ Дерптъ студенты медицинского факультета—Наумъ Синицкій (по патологіи и терапіи), Іосифъ Варвинскій (по фармакологіи), Петръ Любовскій (по акушерству), по словесному факультету—Влад. Гринева (по философіи), Ст. Ростовцевъ (по исторіи), Вас. Авдіевъ (по греческому яз.). Благонадежное состояніе ихъ здоровья засвидѣтельствовано членами медицинского факультета, а поведеніе одобрено инспекторами. При этомъ приложено было отобранное отъ нихъ обязательство прослужить впослѣдствіи на профессорской

должности не менѣе 12 лѣтъ. Попечитель, отсылая этотъ отвѣтъ совѣта министру, съ своей стороны особенно рекомендовалъ Гринева и Синицкаго; отправить всѣхъ избранныхъ попечитель просилъ съ магистромъ историческихъ наукъ Цыхомъ, для него эта поѣздка была-бы очень полезна. Унтиловъ, Стояновъ, Авдіевъ и Синицкій отказались отъ поѣздки въ Дерптъ и такимъ образомъ отправились только четверо—Варвинскій, Любовскій, Гринева и Ростовцевъ.

Цыху даны были прогоны на 3 лошади, а для 4-хъ студентовъ на 2 пары. На подъемъ и содержаніе Цыхъ получилъ сверхъ того 400 р., а на содержаніе студентовъ отпущено 600 р. Всѣ 4 питомца Харьковскаго университета выдержали экзаменъ при Императорской академіи наукъ и были приняты въ профессорскій институтъ ¹⁾.

Въ 1835 г. должны были истечь сроки ученой подготовки нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ профессорскаго института, командированныхъ въ Берлинъ, Вѣну и Константинополь—и министерство прислало въ Харьковскій университетъ списокъ этихъ лицъ съ указаніемъ ихъ спеціальности. Въ числѣ ихъ были—Куторга и Лунинь (спеціалисты по исторіи), Крюковъ и Валицкій (спеціалисты по латинской и греческой словесности), Иноземцевъ (спеціалистъ по анатоміи и хирургіи), Лапшинъ (по математикѣ). Совѣтъ университета, указавъ на вакантныя кафедры по разнымъ факультетамъ, просилъ о предоставленіи одной изъ нихъ—всеобщей исторіи—*Лунику* ²⁾. Впослѣдствіи профессорскую кафедру въ Харьковскомъ университетѣ занялъ еще и *Валицкій* (и Лапшинъ).

Изъ ученыхъ профессорскихъ командировокъ, имѣвшихъ въ виду спеціально научные интересы, намъ извѣстна только одна—проф. Синицкаго. Цѣль его путешествія была ученая: онъ отправлялся въ южную Россію „для пользы наукъ“ вообще, и для обогащенія естественно историческихъ коллекцій Харьковскаго университета въ частности. Онъ предполагалъ наблюдать и разсматривать на пути своемъ все, что относится къ зоологіи, ботаникѣ и минералогіи, и собирать въ значительномъ числѣ экземпляровъ для обогащенія университетскихъ кабинетовъ и для обмѣна мѣстныхъ произведеній на иноземныя. По зоологіи предполагалось собирать всѣхъ животныхъ, начиная отъ млекопитающихъ и кончая полипами, съ одинаковою рачительностью и приготавливать ихъ только въ такой мѣрѣ, въ какой это окажется необходимымъ для доставленія безъ порчи въ Харьковъ. Изъ млекопитающихъ, птицъ, мелкочешуйчатыхъ рыбъ и пресмыкающихся особенно боль-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1595/93.

²⁾ Ibidem. № 2069/130.

шихъ — снимать кожу; для лучшаго же изготовленія чучель птицъ на мѣстѣ обдѣлывать голову, глаза, крылья и всю внутреннюю связь; изъ этихъ же животныхъ, по скольку это окажется возможнымъ, дѣлать скелеты; рыбъ, пресмыкающихся и другихъ животныхъ, коихъ нельзя сохранить инымъ способомъ, сохранять въ водкѣ; насѣкомыхъ насаживать на булавки и въ нарочито приготовленныхъ ящикахъ отправлять на мѣсто. По минералогіи кромѣ ориктогностическихъ породъ предполагалось обратить особенное вниманіе на горнокаменные, коихъ мало было въ кабинетѣ, а также на всѣ окаменѣлости. Относительно ботаники профессоръ долженъ былъ изложить свои желанія и указать на средства ихъ осуществленія. Дабы не была забыта исторія предметовъ, составляющая ихъ сущность, каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть свой номеръ, подъ которымъ въ дневныхъ запискахъ излагалось бы подробно все, его касающееся. Точное же опредѣленіе предметовъ не должно было дѣлаться во время путешествія, ибо цѣлью этого послѣдняго являлось собраніе и приготовленіе предметовъ, подробное же ихъ описаніе предполагалось напечатать въ трудахъ Московскаго общества испытателей природы.

Во время путешествія предполагалось посѣтить Георгіевскъ, Тифлисъ, Баку, Кизляръ, Астрахань и Царицынъ, а если позволитъ время, то и степи между Царицынымъ и р. Ураломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Астраханская степь съ прилегающими сѣверозападными берегами Каспійскаго моря въ весеннее время общала наиболѣе обильную жатву, особенно по части насѣкомыхъ и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ; но такъ какъ я могу, писалъ Криницкій, положиться на своего корреспондента Карелина и учителей Астраханской гимназіи, которые до моего приѣзда могутъ собрать нѣкоторыя весеннія произведенія и такъ какъ мнѣ нельзя упускать изъ виду этого же времени для собранія предметовъ въ другихъ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ никого, кто бы меня замѣнилъ, то я и избралъ путь изъ Харькова черезъ Новочеркасскъ, Ставрополь, Георгіевскъ въ Тифлисъ, оттуда черезъ Кахетію по надъ рѣкою Курю, черезъ новую Шамаху въ Баку; осмотрѣвши же здѣсь мысъ Шаховъ и ближайшіе острова, отправиться по берегу Каспійскаго моря въ Кизляръ. Но какъ между Кизляромъ и Моздокомъ на разстояніи 174 верстъ по теченію Терека могутъ быть весьма надежные мѣста, то и слѣдуетъ это разстояніе пройти двукратно въ другой разъ — возвращаясь въ Кизляръ. Отсюда, смотря по обстоятельствамъ, либо моремъ, либо по берегу его придется отправиться въ Астрахань, а послѣ по теченію Волги въ Царицынъ. Если шестимѣсячный періодъ времени не позволитъ разсмотрѣть хотя отчасти Заволжскихъ степей, то съ воз-

вращеніемъ въ Харьковъ весь путь будетъ равняться 4000 верстъ, т. е. въ среднемъ по 22 в. въ день, чего нельзя не признать при такихъ условіяхъ скорой поѣздкой. Въ надежнѣйшихъ мѣстахъ нужно будетъ останавливаться на неопредѣленное время и, смотря по условіямъ мѣстности, дѣлать въ разныя стороны экспедиціи, либо пѣшкомъ, либо верхомъ.

Считаю необходимымъ взять съ собою двухъ студентовъ для занятій по зоологіи и минералогіи, а профессоръ ботаники присоединить къ нимъ опытнаго ботаника, который бы мнѣ могъ оказывать содѣйствіе по этой части, такъ какъ я по ботаникѣ вслѣдствіе краткости времени долженъ ограничиться однимъ надзоромъ. Студенты должны быть надежнаго здоровья и привычныя къ перенесенію всѣхъ дорожныхъ неудобствъ; имъ не слѣдуетъ давать никакого жалованья, а отпустить только средства на путевые расходы и позволить держать экзаменъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія, дабы они не потеряли года. Кромѣ того считаю необходимымъ имѣть въ своемъ распоряженіи салдата трезваго поведенія и надежнаго здоровья. Въ путь рассчитываю отправиться 1-го апрѣля, а вернуться въ послѣднихъ числахъ октября. Въ виду того что число предметовъ въ моей коллекціи будетъ постоянно увеличиваться, пусть Училищный Комитетъ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы всѣ гимназіи и училища, какія встрѣтятся на пути принимали отъ меня вещи для отсылки ихъ подъ казенною печатью въ Харьковскій университетъ. Желательно было бы также, чтобы совѣтъ университета не только снабдилъ насъ необходимыми бумагами, но и снесся непосредственно съ Грузинскимъ и Астраханскимъ начальствомъ объ оказаніи намъ необходимаго содѣйствія. Совѣтъ можетъ также потребовать представленія ему ежемѣсячныхъ рапортовъ о путешествіи. Существуетъ запрещеніе охотиться на животныхъ, исключая хищныхъ, въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ—но исполненіе этого требованія принесло бы большой вредъ экспедиціи, потому что пришлось бы упустить время для охоты въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя пришлось бы въ эти мѣсяцы проѣзжать. Необходимо также будетъ выписать нѣкоторые книги и карты тамошнихъ областей. Средства, потребныя для экспедиціи, таковы: прогоны на 6 лошадей на 4000 верстъ и на покупку двухъ кибитокъ—1500 р., на путевые расходы—1300 р., на собраніе лекцій и непредвидѣнные случаи—1700 р., всего 4500 р.¹⁾ Проф. Черняевъ предложилъ отправить съ Криницкимъ для ботаническихъ экскурсій не студента, а помощника университетскаго садовника тит. сов.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1415/80.

Климова, что было одобрено и совѣтомъ. Путешествіе Криницкаго должно было быть совершено въ 1830 году, но было ли оно исполнено въ это время, мы не знаемъ.

Такимъ образомъ, ученыхъ командировокъ профессоровъ въ изучаемый нами періодъ времени, можно сказать, не существовало и это свидѣлствуетъ, конечно, о сравнительно слабомъ внутреннемъ интересѣ университетскихъ преподавателей къ наукѣ.

Обращаемся къ характеристикѣ *научной* дѣятельности профессоровъ Харьковскаго университета и рассмотримъ ее въ порядкѣ факультетовъ.

На словесномъ (нынѣшнемъ историко-филологическомъ) факультѣ изъ профессоровъ перваго десятилѣтія остались—Успенскій, И. Е. Срезневскій, Дегуровъ и Паки де Совиньи.

Профессоръ русской исторіи Г. П. Успенскій продолжалъ работать надъ русскими древностями; первое изданіе его „Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ“, вышедшее аъ 1811—1812 г., не было закончено: въ немъ не оказалось обѣщаннаго авторомъ 2-го отдѣленія 2-й части. Въ 1818 году появилось новое, второе изданіе этой замѣчательной книги „исправленное и умноженное“¹⁾. Въ предисловіи по 2-му изданію авторъ говоритъ: „по изданіи въ 1811 году первой части сей книги, вслѣдъ затѣмъ въ 1812 году напечатано было и 1-е отд. 2-й части. А какъ сія часть, по ея обширности тогда-же раздѣлена была на 2 отдѣленія, то послѣднее по разнымъ непредвидѣнно встрѣтившимся обстоятельствамъ, не было напечатано и доселѣ. Между тѣмъ когда обѣ первыя книги были раскуплены и требованія на это сочиненіе умножились, то я, первое изданіе во многихъ мѣстахъ оправивъ, въ другихъ значительно пополнивъ, а въ нѣкоторыхъ совсѣмъ передѣлавши, рѣшился напечатать ихъ вновь, съ присовокупленіемъ какъ послѣдняго отдѣленія 2-й части, такъ и извѣстія о бывшихъ прежде въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ, съ подробною азбучнымъ порядкомъ расположенною всѣмъ содержащимся достопамятнымъ вещамъ росписью. По времени, если позволить мнѣ обстоятельства, не премину стараться и его усовершенствованіи, а теперь скажу только: „si quid novisti rectius istis, candidus imperti; si non, his utere mecum“.

Прибавленій во 2-мъ изданіи сравнительно съ 1-мъ—достаточно. 2-е отдѣленіе 2-й части состоитъ изъ 7 главъ—о языческомъ и хри-

¹⁾ Вотъ ея подлинное заглавіе—„Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ Гавр. Успенскаго. Изд. 2-е, исправленное и умноженное. X, въ унив. тил., 1818 г., XII, 815 стр.

стіанскомъ богослуженіи и духовенствѣ, о древности законовъ російскихъ и ихъ достоинствѣ, о судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ, о воспитаніи, ученіи, наукахъ, книгахъ и врачебной части, земской и городской полиціи и межеваніи, о торговлѣ, дорогахъ, мостахъ и водныхъ сообщеніяхъ, о счисленіи и раздѣленіи времени, монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ. Въ основу изложенія положены частію первоисточники, частію пособія. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ труды Татищева (исторія и лексиконъ) Болтина (примѣчанія на исторію Леклерка), Ломоносова, Щербатова, Стриттера, Амвросія, Кайсарова, Байера, Миллера, Шлецера, Круга, Чулкова.

Изъ первоисточниковъ авторъ пользуется—Герберштейномъ, Флетчеромъ, Бухау, Олеаріемъ, Корбомъ, Бруиномъ, лѣтописями, русской правдой и судебникомъ, уложеніемъ, уставными грамотами и новоуказными статьями, собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ, древнею російскою вивлюекой, Голиковымъ и др.

Въ основу его статьи „о бывшихъ прежде въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ“ положены—неизданное тогда еще топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества Шафонскаго, хранившееся въ рукописи въ библіотекѣ Харьковскаго университета, и рукописныя замѣтки директора училищъ Черниговской губ. М. Е. Маркова, доставленныя въ ту же библіотеку. Здѣсь мы находимъ первый по времени печатный словарь малороссійскихъ учреждений и чиновъ. Г. П. Успенскій интересовался русскою стариною въ широкомъ смыслѣ этого слова: у него была своя нумизматическая коллекція; онъ изучалъ и мѣстную этнографію и воспользовался результатами своихъ наблюденій на 415-й страницѣ своего труда. Въ 1-мъ томѣ настоящаго труда (стр. 644—646) мы дали уже оцѣнку труда Успенскаго; теперь же только прибавимъ, что авторъ въ высшей степени усердно работалъ надъ дополненіемъ и исправленіемъ своего сочиненія; эта ученая работа была главнымъ его занятіемъ, почти всецѣло наполняла его домашнюю жизнь, какъ это мы видѣли уже изъ записокъ его сына, хотя состояніе духа и условія внутренней, семейной жизни и не благопріятствовали его ученымъ кабинетнымъ занятіямъ. Одинъ отрывокъ изъ своей работы Успенскій обработалъ еще до выхода въ свѣтъ книги въ видѣ актовъой рѣчи (въ 1814 году), другой—помѣстилъ въ „Трудахъ Общества наукъ“¹⁾. Такимъ образомъ, Г. П. Успенскій яв-

¹⁾ „О изыскомъ предковъ нашихъ богослуженіи и сходствѣ его съ богослуженіемъ египтянъ, грековъ и другихъ древнихъ народовъ“ (Труды Общества наукъ, I, X, 1817, ч. 2-я, стр. 40—64); его-же, „О судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ у древнихъ россіянь“ (Ibidem, стр. 65—101).

лиется однимъ изъ наиболѣе выдающихся ученыхъ на словесномъ факультетѣ, въ періодъ времени съ 1815 до своей смерти, послѣдовавшей въ 1820 году.

Профессоръ всеобщей исторіи А. А. Дегуровъ напечаталъ книгу: „De la civilisation des tatars nogais dans le midi de la Russie européenne“, Ch., 1816, 122 p. (въ унив. типогр.), явившуюся косвеннымъ результатомъ его путешествія на югъ для обозрѣнія училищъ. Книжка эта посвящена, собственно говоря, наблюденіямъ надъ внутреннимъ бытомъ ногайцевъ; заинтересовавшись бытомъ ногайцевъ, авторъ составилъ краткій очеркъ ихъ цивилизаціи, т. е. гражданскаго состоянія въ связи съ мѣропріятіями по отношенію къ нимъ русскаго правительства. Въ концѣ книги онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ сосѣдямъ ногайцевъ-молочанамъ, духоборцамъ, помѣщичьимъ крестьянамъ, малороссіянамъ. О послѣднихъ онъ говоритъ, что деревни, основанныя ими возлѣ рѣки Молочной, находились въ жалкомъ положеніи; главная-же причина ихъ бѣдственнаго состоянія состояла въ томъ, что они прибыли на новыя мѣста почти безъ всякихъ средствъ, получили мало земли, а между тѣмъ имъ нужно было всѣмъ обзаводиться и въ то же время уплачивать значительные налоги. „Это наблюденіе привело Дегурова къ одному чрезвычайно важному и характерному выводу: онъ высказываетъ желаніе, чтобы русскія колоніи въ Новороссійскомъ краѣ пользовались такимъ-же покровительствомъ, какъ и иностранныя. Русскіе колонисты, говоритъ онъ, правда не приходятъ, подобно иностранцамъ, искать новаго отечества и подвергаться иноземнымъ узаконеніямъ, но пересаживаемые съ сѣвера на югъ или изъ одной провинціи въ другую (потому что имъ нельзя было уже оставаться на прежнихъ мѣстахъ) они, конечно, имѣли надобность въ экстраординарной помощи. Я знаю, что они пользовались въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ извѣстными льготами. Но почему-бы ихъ не снабдить въ видѣ аванса земледѣльческими орудіями, скотомъ и деньгами на постройку избъ? Они-бы все это навѣрное выплатили съ неменьшею аккуратностью, чѣмъ итальянцы, нѣмцы и евреи. Почему-бы ихъ не поставить подъ власть бюро иностранныхъ колонистовъ? Освобожденіе ихъ на 5 лѣтъ отъ власти капитанъ исправниковъ и отъ извѣстныхъ налоговъ (ихъ было-бы долго перечислять) было-бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ. Въ это время поселенцы могли-бы поправить свои дѣла, затѣмъ уплачивать правительству умѣренные налоги и погашать понемногу ту маленькую ссуду, которую имъ выдали-бы. Я не хочу сказать, чтобы управленіе колоній (и иностранныхъ) было совершенное.... но я убѣжденъ, что наши русскія колоніи чувствовали-бы себя очень хорошо, если-бы онѣ были

поставлены въ зависимость отъ бюро иностранныхъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ исключительные законы создаютъ злоупотребленіе, а въ Россіи они по большей части являются гарантіей противъ нихъ ¹⁾. На сколько этотъ взглядъ былъ искрененъ, судить не беремся—А. А. Дегуровъ не принадлежалъ къ числу прямодушныхъ людей ²⁾—но онъ во всякомъ случаѣ дѣлаетъ честь его уму. По своей специальности А. А. Дегуровъ не написалъ въ это время ничего, да и вообще онъ не былъ глубокимъ ученымъ; при томъ онъ скоро перевелся въ Петербургскій университетъ.

Преподаватель французскаго языка *Н. Н. Паки де Совиньи* издалъ цѣлый рядъ пособій по своему предмету, изъ коихъ мы имѣли въ рукахъ слѣдующія 1) Всеобщую и философическую грамматику языковъ, ч. 1—3 (на франц. и рус. яз.). X. 1823—1824; 2) Курсъ словесности (на франц. яз.), т. 1-й. X. 1824 г. 63 стр.; 3) 3-ю таблицу грамматики или методы французской. X. 1823, т. 2-й, 364 стр.; 4) Грамматическое словосочиненіе. X. 1824, 195 стр. Вѣроятно, третьяго сочиненія былъ и 1-й томъ, но мы его не могли разыскать. По нашей просьбѣ уважаемый товарищъ и специалистъ С. В. Соловьевъ ознакомился съ тремя руководствами Паки де Совиньи и далъ о нихъ слѣдующій отзывъ. „*N. Paqui de Sauvigny, Grammaire générale philosophique et littéraire des langues ou la clef des langues et des lettres: ouvrage classique et didactique.* Charkow, 1823. Посвящена Императрицѣ Маріи. На русскій яз. переведена студентами Бѣлецкимъ, Ерофьевымъ, Долгимъ, Звѣгинцевымъ. Научнаго значенія не имѣетъ. Составлена по образцу „философскихъ и общихъ“ грамматикъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Грамматика опредѣляется „какъ искусство мыслить, умствовать“; основывается „на здоровой логикѣ, имѣетъ своимъ предметомъ *речь* или искусство изъяснять посредствомъ общепринятыхъ знаковъ (живымъ голосомъ или письменно) мысли, родящіяся въ нашемъ умѣ“. Авторъ ссылается на грамматики: Lancelot, Reymers, Girard, Vailly Bauer, Dumarsais, Levisac, Condillac. Грамматика преслѣдуетъ цѣль: „служить руководствомъ ученикамъ при изслѣдованіи языковъ вообще“. Цѣли авторъ не достигаетъ: о „языкахъ вообще“ онъ даетъ слишкомъ поверхностное понятіе. Любопытны мысли автора о происхожденіи *языка*. „Вотъ что почитаю я вѣроятнѣйшимъ касательно образованія языковъ, предметъ, о которомъ впрочемъ трудно произнести рѣшительное мнѣ-

¹⁾ См. мою „Колонизацію Новорос. края“. К. 1889, стр. 69—70.

²⁾ Презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться передъ тѣми и другими, говорить о немъ Роммель.

ніе, то, что *всѣ языки*, кажется мнѣ, съ самаго начала міра заимствовали одни отъ другихъ множество словъ или выраженій, которымъ народы дали новыя формы, новыя окончанія, различныя отъ прежнихъ, бывшихъ ихъ началомъ, новыя слова, примѣненныя къ новымъ ихъ открытіямъ и т. обр. произошло сочиненіе совершенно новое, которое составило смѣсь частей столь разнородныхъ и столь различныхъ между собою, что древніе народы, вставши теперь изъ гробовъ своихъ, съ трудомъ могли бѣ узнать въ сихъ новыхъ нарѣчіяхъ, распространенныхъ по всему земному шару то, что имъ собственно принадлежитъ". Указавъ на „существенныя качества критика, грамматика или практика—философа, который употребляетъ анализъ риторическій, критическій, дидактическій или грамматическій“, авторъ переходитъ къ синтаксису. Излагаетъ его конспективно и своеобразно. Едва-ли слушатели и ученики Паки де Совиньи познакомились по этому руководству съ французскимъ синтаксисомъ. Авторъ могъ научить ихъ только громкимъ фразамъ, тропамъ и фигурамъ; изъ сравнительной философской грамматики всѣхъ языковъ ученики узнали только что „фраза русская имѣетъ энергію и силу; французская—ясность; греческая—гармонію; латинская—важность“...

2) *Cours littéraire*, formant le pendant ou la suite de la Grammaire générale et philosophique. Харьковъ, 1824 г. Посвященъ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ предисловіи авторъ говоритъ о „вкусѣ вообще, въ рѣчи и въ произведеніяхъ Генія“, ссылаясь на академическую рѣчь, произнесенную имъ въ литературн. собраніи университета въ январѣ 1823 г. по случаю полученія бывшимъ попечителемъ диплома на званіе почетнаго члена Х. унив. Эта рѣчь, по словамъ автора „ne déplut point aux amateurs de la littérature française“; затѣмъ на рѣчь, произнесенную 30 августа 1817 г., изданную въ количествѣ 300 экзempl. (De forma—pulchri et boni in variis ingenii productionibus). Въ курсѣ литературы авторъ долго останавливается на опредѣленіи „хорошаго вкуса и хорошаго тона“ „истинными образцами хорошаго тона и вкуса“ авторъ считаетъ писателей блестящаго в. Людовика XIV (упомянуть конечно, и Буало) и многихъ французскихъ дамъ; но онъ не желаетъ обидѣть и русскихъ дамъ: „въ Харьковской губ. онъ могъ отмѣтить и оцѣнить многихъ дамъ, неуступающихъ француженкамъ, хорошо воспитанныхъ и образованныхъ“.

Затѣмъ П. де С. вводитъ своихъ учениковъ въ „храмъ вкуса“, куда помѣщаетъ Перикла, Ликурга, Филиппа, Александра, Цицерона и др.; Гарунъ аль Рашида; Медичи; Льва X; Людовика XIV, Петра В.; Франциска I, Людовика XVIII, Карла X, Фридриха В., Марію Терезію,

Іосифа II; Елизавету Англійскую, Екатерину II, Александра I, наконецъ, всѣхъ „нашихъ славнѣйшихъ попечителей, между ними славнѣйшаго и достойнаго, который въ продолженіи многихъ лѣтъ руководилъ нами въ нашихъ академическихъ трудахъ, подавая намъ примѣры *хорошаго вкуса*. Всякій понимаетъ, что здѣсь хочу я отъ своего имени и отъ имени моихъ уважаемыхъ коллегъ воздать должное его пр—у, нашему бывшему попечителю (Захару Яковлевичу Карнѣеву). Наконецъ принимая во вниманіе академ. труды нашихъ уважаемыхъ коллегъ, гг. профессоровъ университета и др. академій, сердцу которыхъ ничего не было пріятнѣе, какъ внушить юношеству *хорошій вкусъ*, вкусъ къ наукамъ и искусствамъ, какъ своими *свѣтлыми* (lumineux) произведеніями, такъ и своими учеными и полезными лекціями, полагаю, что я только предупреждаю ваши желанія, удѣляя имъ всѣмъ почетное мѣсто въ *храмъ вкуса*“.

Далѣе авторъ конспективно излагаетъ исторію французскаго языка и литературы отъ среднихъ вв. до Карла X. (на 20 страницахъ). Въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивается однимъ перечнемъ именъ безъ указанія даже на выдающіяся произведенія „знаменитѣйшихъ писателей“.

Въ заключительной главѣ говоритъ о стиляхъ, ораторахъ (ораторъ долженъ нравиться *своими нравами*—par les moeurs), о *нравахъ* въ поэзіи, декламациі; драмѣ, лирикѣ и эпосѣ и т. д.

3) Cours grammatical, théorique et pratique la Syntaxe française ou construction grammaticale omée d'exemples et de thèmes pour réunir la théorie à pratique à l'usage de la jeunesse Russe. Харьковъ 1824 г. 3-й томъ.

1-я часть книги: умозрительная таблица, синтаксическая таблица или таблица грамматическаго словосочиненія. 2-я: объ анализахъ—грамматическомъ логическомъ, поэтическомъ, эстетическомъ. О *синтаксисѣ* книга не даетъ никакого представленія. „Примѣчено, говоритъ авторъ, что воспитанники и студенты дворянства обыкновенно болѣе показываютъ вкуса къ языку и словесности французской, почитая языкъ сей послѣ своего природнаго, какъ за полезнѣйшій, лучше обработанный и вообще болѣе распространенный въ Европѣ. Этотъ языкъ, (говорятъ сіи любители словесныхъ произведеній сего языка) есть языкъ дипломатическій, на немъ говорятъ при дворѣ, на немъ изъясняются принцы, государи, дворянство всѣхъ образованныхъ странъ; всѣ славныя бібліотеки наполнены отличными книгами, писанными на семъ языкѣ“... Указавъ на студентовъ переводчиковъ, авторъ упоминаетъ и „о всѣхъ прочихъ, отличавшихся на его лекціяхъ литературы фран-

цузской и латинской; „они очень заслуживаютъ также, чтобы я оказалъ должную имъ справедливость, сдѣлавъ извѣстнымъ ихъ вкусъ и дарованія. Это суть гг.: Протопоповъ, Иноземцевъ, Шевичъ, Корсунъ, Дружkevичъ, Нечаевъ, Петровъ, Цихъ, Сокальскій, Степановъ, Сокинскій, Лещинскій, Денисьевъ, Акимовъ, И. Звѣгинцевъ, Селетскій, Васильковский, и многіе другіе студенты, приносящіе себѣ честь и по другимъ частямъ, какъ по математикѣ, медицинѣ, юриспруденціи, исторіи, ботаникѣ, философіи, химіи и пр.“.

Паки де Совиньи, конечно, не былъ ученымъ и его руководства представляютъ изъ себя компиляціи, не стоившія ему большаго труда; хотя по справедливости ему нельзя отказать въ усердіи. На актѣ 30 авг. 1817 года Паки де Совиньи произнесъ рѣчь „De principio Pulchri in genere aut de forma. Pulchri et Boni in omnibus ingenii productionibus“. (Рѣчи, произнесенныя 30 авг. 1817 г. X., 1818, стр. 1—15). Это—разсужденіе на одну изъ любимѣйшихъ темъ автора; мысли позаимствованы главнымъ образомъ изъ Буало.

Гордостью и украшеніемъ словеснаго факультета изъ новыхъ профессоровъ былъ прославившійся своими научными работами *И. Я. Кронебергъ*. Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды въ отдѣльных изданіяхъ. 1) Латинская грамматика. X., 1820. 326 стр., 2-е изд. Харьк. унив. 1825 г. 2) Латино-россійскій лексиконъ съ полнымъ объясненіемъ всѣхъ свойствъ и значеній каждаго латинскаго слова и съ показаніемъ собственныхъ именъ до древней географіи и міеологіи относящихся. 2 части. М. 1819—1820 и 1824 г. 3) *Compendium antiquitatum romanarum*; 4) *Horatii Epistola ad Augustum*, edidit pr. Kroneberg 1823 г.; 5) *Taciti Annalium liber I*, ed. prof. Kroneberg, 1823 г.—этихъ трехъ книгъ мы не видѣли: на нихъ дѣлаетъ указаніе только К. Фойгтъ; 6) *Амалтея* или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности. Часть 1-я. X. 1825, 246 стр.; часть 2-я. 1826, 142, 125 стр.; 7) Брошюрки, издаваемыя *Ив. Кронебергомъ*, №№ I—X, X., 1830—1833 г., 36, 48, 56, 83, 67, 82, 98, 188, 145, 42 стр.; 8) *Cr. Sallustius*, edidit prof. Kroneberg (указаніе только у Фойгта); 9) *Ciceronis oratio pro lege Manilia*, edidit Kroneberg; 10) *Минерва*. Часть 1—4, 1835 г.; 283, 291, 364, 108.

Латинская грамматика Кронеберга заключала этимологію и синтаксисъ и представляла изъ себя учебную книгу.

Амалтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности, трудами *Ивана Кронеберга*. Часть первая. X, въ ун. тип., 1825 г., 246 стр.; Часть 2-я. X., 1826 г., 142, 125.

Въ предисловіи издатель говоритъ: „въ сей первой части Амалтеи не все мое, но и не все чужое; иное принадлежитъ мнѣ, иное—и мнѣ, и другимъ. Тоже самое долженъ я сказать и о послѣдующихъ частяхъ. Хотя на заглавномъ листѣ и упоминается объ одной только древней классической словесности, но я буду иногда дѣлать отступленія, входя въ литературную область новѣйшихъ народовъ“.

Въ составъ сборника вошли слѣдующія статьи: 1) Завоеванія римлянъ, 2) Обзоръ земель, принадлежавшихъ Римской державѣ, 3) Афоризмы, 4) О изобилии произведеній пластическаго искусства у грековъ и о причинахъ онаго, 5) Илиада, 6) *Clavicula latina*.

Первыя двѣ статьи—строго фактическаго содержанія. Третья заключаетъ въ себѣ мысли и изреченія о литературѣ и искусствѣ. Приведемъ нѣсколько образцовъ: „кто иностранныхъ языковъ не знаетъ, тотъ не знаетъ и своего природнаго“, „поэзія есть живая сила, создающая высшій міръ, нежели въ которомъ мы живемъ, проникающая матерію духомъ и облекающая духъ въ матерію“, „лирическая поэзія есть исповѣдь сердца, такъ называемая дидактическая поэзія принадлежитъ къ поэіи только по формѣ, критическій разборъ піитическаго произведенія самъ долженъ быть піитическій, потому что поэзію въ прозѣ созерцать нельзя, что къ удовлетворенію какой либо нужды служить, то не принадлежитъ къ области изящнаго искусства; „въ новѣйшемъ *Cours de litterature ancienne et moderne* авторъ, порицающій Аріоста, Мильтона, Тасса, Виргилія, даже божественнаго Гомера, говоритъ: *Voltaire est de tous les poètes epiques celui qui a le mieux imité la nature*. Жаль, что не прибавилъ, гдѣ—въ Генріадѣ или Пюсселѣ“? Рѣчь идетъ здѣсь о курсѣ профессора Харьковскаго университета Паки де Совиньи.

Четвертая статья представляетъ переводъ нѣмецкаго труда Якобса (*Ueber den Reichthum der griechen an plastischen Kunstwerken und die ursachen desselben*), пятая—переводъ сочиненія Гете (*Ueber Kunst und Alterthum*) а шестая—собраніе въ алфавитномъ порядкѣ извлеченій изъ комментаріевъ на латинскія слова и выраженія; здѣсь слова и выраженія объясняются на латинскомъ же языкѣ; это своего рода пояснительный словарь реченій. Вотъ примѣръ: *vivere simpliciter est animo esse non maligno, subdolo, ficto, suspicaci, tecto, sed candide aperte et bona fide cum aliis agere*“.

Во 2-й части содержатся слѣдующія статьи: 1) Взглядъ на древнюю Грецію, 2) Древняя Греція, 3) Илиада (продолженіе), 4) *Clavicula latina*. Первыя двѣ статьи заключаютъ географическій обзоръ древней Греціи (вторая гораздо подробнѣе первой). Третья представляетъ продолженіе

начатой въ 1-й части. Четвертая—новый объяснительный словарь латинскихъ словъ на латинскомъ языкѣ.

Брошюрки, издаваемые Иваномъ Кронебергомъ. № I. X., въ унив. тип., 1830 г., 36 стр. Содержитъ въ себѣ одну статью—историческій взглядъ на эстетику; здѣсь характеристика эстетическихъ теорій Франціи и Германіи.

Брошюрки. . . № II, X., въ унив. тип., 1830 г., 48 стр. Здѣсь помѣщены „Отрывки“, заключающіе въ себѣ изложеніе и разборъ Фауста Гете, Торквато Тассо, Леноры Бюргера, историческихъ піесъ Шекспира, его піесы „Сонъ въ лѣтнюю ночь“.

Брошюрки. . . № III, X., въ унив. тип., 1830 г., 56 стр. Содержитъ въ себѣ двѣ статьи—Заливъ Неаполитанскій и Сирія; первая—путевыя впечатлѣнія и историческія воспоминанія, вторая—историко-географическій очеркъ.

Брошюрки. . . № IV, X., въ унив. тип., 1831 г., 83 стр. Здѣсь обширное изслѣдованіе о Макбетѣ Шекспира (не оконченное).

Брошюрки. . . № V, X., въ унив. тип., 1831 г., 67 стр. Этотъ номеръ содержитъ статью „О переселеніи твореній искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ“, основанную на первоисточникахъ.

Брошюрки. . . № VI, X., въ унив. тип. 1831 г., 82 стр. Помѣщена статья—„Матеріалы для исторіи эстетики“, содержащая изложеніе теорій Баумгартена, Баттѣ, Винкельмана, Мендельсона, Сульпера, Канта, Гейденрейха, Шиллера, Шеллинга и Жанъ-Поля.

Брошюрки. . . № VII, X., въ унив. тип., 1831 г., 98 стр. Здѣсь напечатаны „Отрывки“, содержащіе афоризмы историко-литературнаго, критическаго и эстетическаго характера и за ними статью „Рыцарская поэзія германцевъ“.

Брошюрки. . . № VIII, X., въ унив. тип., 1832 г., 188 стр. Содержитъ въ себѣ статью—„Маргиналіи и выписки“—выдержки съ критическими замѣчаніями изъ печатныхъ трудовъ Houghton'a, Hornemann'a, Langles, Cousin'a, Ficker'a, Boettiger'a, Heeren'a.

Брошюрки. . . № IX, X., въ унив. тип., 1832 г., 145 стр. Заключаетъ въ себѣ статьи—1) Шесть одъ Горация—обстоятельный разборъ ихъ въ оригиналѣ, 2) Die Leiden des jungen Werthers, 3) Пѣвецъ (разборъ переводовъ его на русскій языкъ, сдѣланныхъ Араповымъ и Шкляревскимъ), 4) Альбрехта Дюрера. Apocalypsis cum figuris. На 14 листахъ (описаніе этого изданія).

Брошюрки. . . № X, X., въ унив. тип., 1833 г., 42 стр. Здѣсь одна статья—„Ноланская философія“—извлеченіе изъ сочиненія Юрдана Бруно „Della causa, principio et uno“.

Минерва. Ивана Кронеберга. Часть первая, X., въ унив. тип., 1835 г., 283 стр.

Въ составъ этого сборника вошли слѣдующія статьи издателя: 1) О изобилии произведеній пластическаго искусства у грековъ и о причинахъ онаго; 2) О переселеніи твореній искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ; 3) Историческій взглядъ на эстетику; 4) Матеріалы для исторіи эстетики; 5) Отрывки. Первая статья представляетъ переводъ или компиляцію указаннаго выше нѣмецкаго сочиненія Фридриха Якобса, изданнаго въ 1810 г. въ Мюнхенѣ, основаннаго на богатой литературѣ первоисточниковъ. Вторая статья повидимому оригинальная, также основана главнымъ образомъ на первоисточникахъ. Обѣ работы отличаются серьезнымъ научнымъ характеромъ—и въ тоже время несомнѣнно представляли большой интересъ и для широкой публики, какъ по самой темѣ, такъ и по ея обработкѣ. Еще болѣе общій интересъ должны были имѣть 3-я и 4-я статьи, посвященныя историческому развитію эстетики; это теоріи эстетики въ ея развитіи и выдающихся представителей. Въ 3-й статьѣ говорится сначала о древнихъ и Шекспирѣ, потомъ о французской и нѣмецкой школахъ, въ 4-й—дается изложеніе и оцѣнка эстетическихъ теорій Баумгартена, Баттѣ, Винкельмана, Мендельсона, Сульцера, Канта, Гейденрейха, Шиллера, Шеллинга и Жанъ-Поля. Изложеніе изобличаетъ знатока и мастера своего дѣла. Наконецъ пятая статья—Отрывки—заключаетъ въ себѣ афоризмы Кронеберга по вопросамъ эстетики литературной критики, философіи и жизни. Приведемъ нѣсколько образцовъ. „Всякая книга должна быть всемірнымъ гражданиномъ; иная же кромѣ того переулка, въ которомъ родилась, ничего не знаетъ“. „Иной человекъ ходитъ на книгу, иная книга—на человека. Истинное чтеніе книги есть борьба. Иного человека не прежде полюбишь, какъ крѣпко съ нимъ поссорившись; тоже дѣлается и съ книгою“. „Лѣта юности! Вотъ наша Италія и наша Греція, наполненная богами, храмами, радостью и веселіемъ—но увь! Часто, часто опустошаемые Готами и Вандалами“. „Страсти суть пѣитическія вольности, которыя позволяютъ себѣ нравственная свобода“. „Нельзя быть довольно осторожнымъ въ рѣчахъ. Случается, что иногда упиваешься собственными словами и тогда говоришь, чего не бывало. И какъ отъ лишней рюмки болитъ голова, такъ отъ лишняго слова болитъ совѣсть“. „Три періода умственной жизни человека. Въ первомъ человекъ живетъ внѣ міра; во второмъ—въ мірѣ; въ третьемъ міръ живетъ въ немъ“. „Воспитатель уподобляется сѣятелю. Все зависитъ отъ того, что и когда и какъ онъ сѣетъ. Посѣвая въ мнимомъ познаніи добра и зла, онъ нерѣдко со слѣпою самоувѣренностью меч-

таетъ, что изъ нѣдръ ствола разовьется въ свое время благороднѣйшій плодъ; время уходитъ, время приходитъ, и непримѣтно созрѣлъ... ничтожный волчець". „Критика занимаетъ средину между исторіей и теоріей искусствъ. Но критика не есть искусство находить недостатки какого нибудь сочиненія. Критика не останавливается на буквѣ, но въ буквѣ созерцаетъ изящное. Критикъ долженъ имѣть духъ универсальный". „Критическій разборъ поэтическаго творенія самъ долженъ быть поэтический, потому, что поэзію въ прозѣ содержать нельзя". „Гомеръ и Шекспиръ два радіуса, которые, сколько ни расходятся, описываютъ одну периферію и соединяются въ одномъ центрѣ. Это—близнецы матери природы, которые, въ разномъ направленіи, исполинскими шагами измѣрили свѣтъ и опять на той же точкѣ соединились, на которой разстались". „Шекспировы творенія только тогда совершенно понять можемъ, когда проникнемъ взаимную между ними связь. Нѣсколько небесныхъ свѣтилъ составляютъ солнечную систему". „Эстетика, основаная на вкусѣ, тоже что покрой платья, основанный на модѣ; вкусъ перемѣнился—и эстетика не годится". „Эстетика не имѣетъ цѣлю руководствовать генія; но понимать его въ его дѣйствіяхъ и твореніяхъ, развивать и направлять чувство искусства". „Эстетика есть философія искусства. Но есть много философій искусства, въ коихъ нѣтъ ни философіи, ни искусства".

Минерва Ивана Кронеберга. Часть вторая. X., въ унив. тип., 1835 г., 291 стр.

Сюда вошли слѣдующія отдѣльныя статьи: 1) Рыцарская поэзія германцевъ, 2) Гёте, 3) Бюргеръ, 4) А. Дюреръ, 5) Шекспиръ и 6) Гораций.

1-я статья представляетъ прекрасный для своего времени очеркъ рыцарской поэзіи германцевъ; въ статьѣ о Гете Кронебергъ останавливается на содержаніи его трагедіи Фаустъ, драмы—Торквато Тассо, Эгмонта, Страданій Вертера и баллады „Пѣвецъ"; говоря о послѣдней, онъ дѣлаетъ сравнительный разборъ двухъ ея переводовъ, сдѣланныхъ Араповымъ и Шкляревскимъ. Вездѣ видѣнъ здѣсь тонкій знатокъ и цѣнитель художественныхъ произведеній, говорящій о нихъ не съ чужихъ словъ, а по своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ. Вотъ вступленіе въ его очеркъ о страданіяхъ Вертера, рисующій его манеру работать. „Неужели читать только новѣйшее или древнѣйшее! Сказалъ я себѣ и подошелъ къ книжному шкафу съ тѣмъ, чтобы выбрать для чтенія какое нибудь сочиненіе прошедшаго столѣтія. Глаза мои, пробѣгая ряды книгъ, остановились на Вертеровыхъ страданіяхъ. Гмъ! Думалъ я, я былъ еще молодымъ, когда читалъ эту книгу въ первый разъ. Помнилъ только, что она содержитъ любовную исторію въ трагическомъ видѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Какое впечатлѣніе она тогда на

меня сдѣлала, я ясно припомнить не могу, хотѣлъ было ее не трогать съ мѣста; но имя автора, котораго въ отечествѣ его одни обожаютъ, другіе бранятъ, и то обстоятельство, что такую брань у насъ переводятъ и помѣщаютъ въ журналахъ, не менѣе и любопытство испытать, какое впечатлѣніе эта книга сдѣлаетъ на меня *теперь*, заставила меня снять ее съ полки. Страхнувши пыль, которою она была покрыта, и замкнувъ дверь своего кабинета, дабы мнѣ никто не помѣшалъ, я сѣлъ и принялся читать, солнце уже было на закатѣ, когда я кончилъ, и встревоженный, удивленный, оставивъ книгу на диванѣ, предался размышленіямъ "... Говоря о Бюргерѣ, авторъ останавливается на его Ленорѣ. Въ статьѣ объ А. Дюрерѣ, Кронебергъ описываетъ его Апокалипсисъ съ фигурами,—даетъ подробное описаніе cadaго изъ 14 листовъ этого изданія. Въ статьѣ о Шекспирѣ, Кронебергъ говоритъ объ его историческихъ пьесахъ, затѣмъ переходитъ къ пьесамъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ и „Зимняя сказка“ и особенно подробно останавливается на „Макбетѣ“. Въ статьѣ о Гораціѣ, Кронебергъ подвергаетъ тщательному всестороннему разбору шесть его одъ (конечно, въ ихъ оригиналѣ).

Минерва Иванъ Кронеберга. Часть третья. X., въ унив. тип., 1835 г., 364 стр.

Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) Иліада; 2) Маргиналіи и выписки; 3) Земли древней Азіи; 4) Взглядъ на древнюю Грецію; 5) Заливъ Неаполитанскій.

Въ первой статьѣ авторъ даетъ переводъ Гетевскаго изложенія содержанія Гомеровою Иліады; во второй—изложеніе нѣмецкаго сочиненія Фикера о классической древности; въ третьей—историко-географическій очеркъ Азіи; въ четвертой—такой же (переводной съ нѣмецкаго) очеркъ древней Греціи; въ пятой—путевыя впечатлѣнія и историческія воспоминанія о мѣстности, лежащей возлѣ Неаполитанскаго залива.

Минерва Ивана Кронеберга. Часть четвертая. X., въ унив. тип., 1835 г., 108 стр.

Этотъ сборникъ содержитъ въ себѣ три статьи: 1) О латинскомъ языкѣ относительно латинской литературы; 2) Краткое обзорѣніе исторіи древнихъ рукописей съ 4-го по 15-е столѣтіе по Геерену и 3) Историческій взглядъ на литературу въ среднихъ вѣкахъ съ 400-го по 1500-й годъ по Вахлеру.

Кронебергъ, наконецъ, произнесъ еще актовую рѣчь на латинскомъ языкѣ въ 1819 г. о сатирикѣ Персіи „Oratio censuram ingenii et morum A. Persii Flacci continens“. Она состоитъ изъ двухъ половинъ—въ первой говорится о состояніи римскаго общества въ эпоху Персіи и о причинахъ вызвавшихъ паденіе нравовъ; во второй—о самомъ сатирикѣ,

его біографіи (по Светонію и отчасти по сочиненіямъ) и самихъ сатирахъ. Изъ рѣчи видно непосредственное знакомство не только съ сочиненіями Персія, но и другихъ римскихъ писателей.

Какъ видимъ изъ этого обзора содержанія трудовъ Кронеберга, ему приходилось не разъ возвращаться къ прежнимъ темамъ и перепечатывать свои работы въ новыхъ изданіяхъ. Это одно свидѣтельствуеъ уже о томъ, что они имѣли крупный и, прибавимъ, вполне заслуженный успѣхъ въ публикѣ. Стоя на высотѣ современнаго ему научнаго движенія въ Европѣ вообще и Германіи въ частности, Кронебергъ былъ блестящимъ представителемъ науки классической филологіи въ Харьковскомъ университетѣ и при томъ не сухаго, мертваго, грамматическаго классицизма, а здороваго, образовательнаго, гуманитарнаго, интересовавшагося главнымъ образомъ исторіей литературы, искусства и древностей. Кронебергъ своими изданіями сыгралъ въ Харьковскомъ университетѣ такую же роль, какую позже въ Московскомъ университетѣ—Леонтьевъ своими „Прописями“. (Сборникъ статей по классической филологіи. М. 1855—1857).

Полную противоположность представлялъ профессоръ греческаго языка *Джунковский*: у него, за исключеніемъ одной актовой рѣчи, не было ученыхъ трудовъ по его специальности. Но ему принадлежитъ крупная заслуга въ составленіи и изданіи каталога книгъ университетской бібліотеки—*Catalogus librorum Bibliothecae Caesareae universitatis literarum Charcoviensis*, cura Bas. Džunkowsky. Ch. 1824, typis acad., IV, 511 p.

Въ началѣ каталога помѣщено предисловіе на латинскомъ языкѣ. Здѣсь составитель говоритъ, что уже давно чувствовалась потребность въ печатномъ каталогѣ университетской бібліотеки, но были обстоятельства, препятствовавшія его составленію (возраставшее число книгъ, перемѣна бібліотекарей и порядковъ). Затѣмъ онъ упоминаетъ о тѣхъ лицахъ, которые сдѣлали пожертвованія книгами въ бібліотеку. Благодаря пожертвованіямъ и покупкѣ, число книгъ возрасло до 16781 тома. Назвавъ знаменитѣйшихъ бібліографовъ новыхъ вѣковъ (начиная съ XVI столѣтія), Джунковский говоритъ, что онъ распредѣлилъ книги въ каталогъ на 8 отдѣловъ—теологію, юриспруденцію, философію, медицину, математику, исторію, филологію и, наконецъ, рукописи, памятники типографскаго искусства и „*curiositates literarias*“. Послѣдній отдѣлъ, по его малочисленности, въ каталогъ еще не вошелъ. Прибавимъ къ этому, что каждый изъ предъидущихъ отдѣловъ дѣлится у Джунковского на рядъ подотдѣловъ; напримѣръ, первый на: *biblia, s. patres, concilia, liturgiae, theologia dogmatica, scholastica historia sakra et ecclesiastica*. Русскія книги не выдѣлены изъ иностранныхъ—и тѣ, и другія

идутъ въ общемъ алфавитномъ порядкѣ. Въ концѣ каталога приложенъ азбучный указатель именъ. На актѣ 30 августа 1819 года Джунковскій произнесъ рѣчь „*объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ въ (на ?) нравственность*“. (40 стр.). Въ началѣ авторъ останавливается на признакахъ художественныхъ памятниковъ съ эстетической точки зрѣнія (на красотѣ, истинѣ, ясности, выразительности, вкусѣ, цѣли художествъ), затѣмъ переходитъ къ художествамъ у древнихъ грековъ, останавливается на причинахъ, вызвавшихъ сильное развитіе искусствъ у этого народа, характеризуетъ разные стили (высокій, красивый, подражательный); останавливается на упадкѣ искусствъ и наконецъ обращается къ студентамъ съ такими наставленіями: „вы, по воспитанію вашему, предназначаетесь служить примѣромъ твердости въ вѣрѣ, любви къ отечеству, повиновенія власти; какинъ же образомъ вы можете достигнуть сей высокой цѣли, какъ не извлеченіемъ изъ преподаваемыхъ вамъ наукъ всего того, что можетъ направить умъ вашъ къ истинѣ и въ сердцахъ вашихъ посѣять благородныя чувства... Грекамъ недоставало небесной истины, которая бы ихъ кроткихъ Аристидовъ, добродѣтельныхъ Сократовъ, правдолюбивыхъ Фокіоновъ вознесла выше брѣннаго человѣчества и начало ихъ добродѣтелей выводила изъ чистѣйшаго источника. Но вы озарены и сею небесною истиною Божественнаго ученія; вы увѣрены въ другой высочайшей цѣли бытія человѣческаго, нежели каковую предполагали языческіе философы; вы имѣете надежду еще большій свѣтъ увидѣть въ томъ божественномъ ученіи, которое благодѣтельное правительство положило открыть въ семъ священномъ храмѣ наукъ, котораго одного и, должно сказать самаго важнаго и необходимаго (намекъ на кафедрѣ богословія) недоставало въ полной связи наукъ и во всей ихъ обширности“. О вліяніи искусствъ у грековъ на нравственность говорится мало, а приведенное заключеніе имѣетъ чисто внѣшнюю связь съ главнымъ содержаніемъ рѣчи. Въ текстѣ имѣемъ не мало ссылокъ, въ томъ числѣ и на первоисточники.

Куницкій напечаталъ актовую рѣчь „*De peculiaribus veterum et recentiorum scriptorum characteribus*“. Указавъ на то, что одни отдають безусловное предпочтеніе древнимъ, другіе—новымъ писателямъ, онъ выясняетъ основныя характерныя черты древнихъ писателей сравнительно съ новыми. Кромѣ того въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ онъ напечаталъ рядъ переводовъ съ греческаго и латинскаго языковъ—изъ Горация „къ Валгію“, Оду Эринны, Лесбійской стихотворицы, Мосхову Идиллію „Орфей и Эвридика“ (изъ *Виргиліевыхъ Георгикъ*).

Ив. Евс. Срезневскій съ 1815 до своей смерти (12 сентября 1819 года) напечатанъ цѣлый рядъ произведеній преимущественно лит-